На правах рукописи

БОЛДЫРЕВ ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ

Эволюция политики США в отношении Северо-Восточной Азии в период президентства Барака Обамы: процесс, механизмы, результаты

5.6.2 – Всеобщая история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Владивосток - 2026

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Рубежной точкой в новейшей истории США стал ноябрь 2016 г., который ознаменовался победой Д. Трампа на президентских выборах. В последовавшие четыре года 45-й президент США начал тарифную войну с Китаем, пересмотрел торговое соглашение с Японией, предпринял попытку наладить дипломатическое взаимодействие с КНДР. Представляется, что это стало следствием длительной закономерности, характеризовавшей развитие Соединённых Штатов после окончания холодной войны, а квинтэссенция этой, либеральной по своей сути, закономерности пришлась на период президентства Б. Обамы.

В течении него эволюция американского общества характеризовалась противоречиями, внутри страны отчётливее проявилось противостояние между либеральной частью общества, выразителем интересов которой была Демократическая партия, и её оппонентами, которые представляли собой сравнительно пёструю совокупность групп, недовольных тем или иным аспектом политики либералов и продвигавшейся ими повестки. Во-первых, несмотря на продолжавшийся вынос производств окрепла тенденция на реиндустривализацию. Во-вторых, усилилась межведомственная борьба сторонников и оппонентов либерального курса внутри правительства США. В-третьих, произошло размежевание электората, которое приобрело форму устойчивого межпартийного противостояния.

Присутствовали противоречия и в политике Б. Обамы в отношении стран Северо-Восточной Азии (СВА). Продолжая участвовать в АТЭС, Соединённые Штаты б**о**льшим приоритетом выбрали переговоры о Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП), но так и не ратифицировали соглашение о нём. В рамках Стратегического и экономического диалога (СЭД) с КНР американская сторона обсуждала проблемы, которые как сближали стороны, так и обостряли разногласия между ними. На южнокорейском направлении противоречия между разными частями американского общества вскрыла ратификация Соглашения о свободной торговле (ССТ), а в отношении КНДР в 2015 г. правительство решило отойти от

политики исключительно сдерживания к попытке либерализации северокорейского общества.

Иными словами, противоречия характеризовали не только внутреннее развитие Соединённых Штатов, но и их внешнюю политику в период президентства Б. Обамы. Это свидетельствует, что на него пришлось столкновение двух тенденций: прежней либеральной и новой, ей оппонировавшей. Такое столкновение стало первопричиной сложных общественных процессов, одним из результатов которых стала внешняя политика. Соответственно период правления Б. Обамы для исследования значим в том смысле, что именно на него пришлись те подспудные изменения в американском обществе, в американской политической элите, которые впоследствии определили характер американской политики во второй половине 2010-х – первой половине 2020-х гг.

В то же время сама СВА представляла собой не самое простое поле для внешней политики США. В плане интеграции регион является слабым, а значит зависимым от совокупности политик в отношении каждой из его стран в отдельности. Восприятие стран СВА в американской политической элите было неоднородным: Япония воспринималась союзником, РК – и военно-политическим союзником, и экономическим конкурентом, Китай – мировой фабрикой и одновременно страной, не принимающей привычные для США политические и экономические нормы, КНДР отождествлялась с источником угроз. Кроме того, в регионе и мире произошёл ряд трансформаций. Сначала Япония попыталась построить сеть кооперационных связей со странами Тихого и Индийского океанов, опираясь на собственное видение хозяйственного партнёрства. Позднее в 2013 г. Китай провозгласил Инициативу пояса и пути (ИПП). При этом обе страны использовали преимущества либерального торгово-экономического порядка, ведомого США. В 2014 г. обозначилась тенденция возвращения России в число великих держав, что позволило США использовать её негативный образ в политике в отношении стран СВА. Кроме того, приоритет, отданный Б. Обамой переговорам о ТТП, и осторожность на этапе ратификации указывают на кризис многосторонних объединений, основанных на принципах либерализма. Всё это знаменовало крах американской внешнеполитической стратегии, метафорично названной Зб. Бжезинским «великой шахматной доской», что стало следствием

восприятия американской элитой однополярного мира как устойчивой данности, а не переходного момента.

Таким образом, в период хронологически ограниченного президентства Б. Обамы в США, в мире и в регионе явственно проступил кризис более длительной либеральной американской внутренней и внешней политики, набирали силу нелиберальные социальные группы и векторы развития.

В целом, при исследованиях американской внешней политики приоритет отдаётся анализу текущих событий. В то же время ряд отечественных и зарубежных работ[1], которые прямо не касаются внешней политики США, позволяют реконструировать её как следствие длительной качественной эволюции. Попытки интегрировать анализ краткосрочных и долгосрочных тенденций в рамках одной работы приводили исследователей к необходимости обратиться к исторической науке[2].

Степень изученности проблемы подробнее проанализирована в главе I.

Целью исследования является анализ эволюции американской политики отношении стран СВА в период президентства Б. Обамы как результата развития американского общества, сочетания формального и неформального взаимодействия власти в процессе принятия решений, культуры стратегического мышления американской элиты.

Соответственно к **задачам** исследования относятся:

- изучить ключевые тенденции внутренней динамики, которая характеризовала эволюцию американского общества, оценить степень и характер её влияния на американскую политику в отношении СВА;

---

[1] Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона. Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М.: Наука, 2008; Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №5. – С. 3–17; Schlesinger A.M.-Jr. The Cycles of American History. Boston – New York.: A Mariner Book Houghton Mifflin Company, 1999; Espinoza M. Donald Trump's impact on the Republican Party // Policy Studies. 2021. – Vol. 42. – №. 5–6. – P. 563–579; Turchin P. End Times. Elites, counter-elites, and the path of political disintegration. New York: Penguin Press, 2023; Smith M. Why is the West so rotten at strategy? // International Affairs. – 2024. – Vol. 100. – №4. – P. 1591–1614.

[2] Phillipart A. Transfers Decision-Making Complexity and Influence on Decision-Making Powers // International Political Science Review. – 1982. Vol. 3. – №3. – P. 269–276; Gaddis J. Toward the Post-Cold War World // Foreign Affairs. – 1991. – Vol. 70. – № 2. – P. 102–122; White S.K. Pluralism, Platitudes, and Paradoxes. Fifty Years of Western Political Thought // Political Theory. – 2002. – Vol. 30. – №4. – P. 472–481; Elman C., Elman M.F. The Role of History in International Relations // Millennium. Journal of International Studies. – 2008. – Vol. 37. – № 2. – P. 357–364; Lawson G. The Eternal Divide? History and International Relations. URL: https://www.e-ir.info/pdf/38082 (дата обращения: 15.09.2020).

- исследовать основные характеристики региона СВА как внешней по отношению к Соединённым Штатам среды и объекта их внешней политики, которые стали результатом предшествующего эволюционного развития региона и соотнести с ними ключевые американские инициативы, реализовывавшиеся в отношении стран региона;

-реконструировать скрытые сети социальных контактов, характеризовавшие отношения между разными ветвями власти, группами интересов и неформальными группами внутри властных институтов, а также выявить их влияние на курс в отношении СВА;

- проанализировать интерпретации внешнеполитических событий, касавшихся Северо-Восточной Азии, в соответствии с особенностями культуры стратегического мышления правительства, характерных для конца 2000-х – первой половины 2010-х гг., и культурно-цивилизационной системой координат американского общества, определить скрытый смысл намерений правительства Б. Обамы, официальных интерпретаций прошлого, настоящего и будущего;

- проанализировать практическую реализацию курса США в отношении СВА.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает внешняя политика США, а **предметом** эволюция политики США в отношении Северо-Восточной Азии, которая была определена специфическими чертами развития американского общества, совокупностью формальных и неформальных способов взаимодействия представителей власти в контексте процесса принятия решений, стратегической культурой и культурно-цивилизационными основаниями, характерными для Соединённых Штатов.

Область исследования соответствует п. 6, п. 8, п. 16, п. 18, научной специальности 5.6.2 – Всеобщая история.

Хронологические рамки исследования. В центре настоящего исследования находится внешняя политика, пришедшаяся на период президентства Б. Обамы (2009–2016 гг.), которая в самых общих рамках понимается здесь как следствие внутреннего положения США. Выбор в пользу именно этого отрезка американской истории был сделан по нескольким причинам. Во-первых, в 2008 г. Соединённые Штаты пережили экономический кризис, на выходе из которого разные группы американского общества и политического истэблишмента предлагали разные

модели дальнейшего экономического развития США. При этом к 2014 г. реиндустриализация стала доминировать над привычным выносом производств. Во-вторых, при Б. Обаме США не только обозначили восточноазиатское направление ключевым для внешней политики, но и предприняли попытку развить отношения со странами региона на либеральной основе. Однако, впоследствии Д. Трамп, представлявший Республиканскую партию, и Дж. Байден, представлявший Демократическую партию пересмотрели этот подход. В-третьих, этап идейного развития Демократической партии 2006 – 2014 гг. во внешней политике акцентировал внимание на развитии многосторонних и двусторонних форматов, охватывавших максимально возможное число сфер межгосударственных отношений. Ему на смену пришёл период клинтоновского радикализма, как следствие во внешнюю политику стали активнее проникать проблемы меньшинств, что было сугубо внутренней американской повесткой. В то же время, чтобы глубже понять американские внешнеполитические мотивы, в отдельных случаях хронологические рамки расширялись за счёт ретроспективного и перспективного исторического контекста.

Территориальные рамки исследования. Пространственным ядром исследования выступают Соединённые Штаты, т.к. оно касается их внешней политики. С учётом замечания В. И. Гантмана и Е.М. Примакова, что в контексте внешней политики понятие регион является не географическим, а проблемно-политическим, а его границы изменчивы вследствие набора проблем, их содержания и характера[3], под СВА понимается совокупность Японии, Республики Корея, КНДР, Китая, Монголии и Тайваня, при этом две последние страны воспринимались в Вашингтоне не самостоятельно, а как антитеза Китаю.

Исследовательский акцент именно на этом субрегионе сделан по следующим причинам. Во-первых, в отношении его стран США использовали все три модели внешнеэкономической политики, реализовывавшейся на тихоокеанском пространстве: в рамках многосторонней инициативы, в рамках двустороннего соглашения о свободной торговле, в рамках двустороннего масштабного политического и экономического диалога. Во-вторых, в СВА находились важнейшие для США тихоокеанские союзники. В-третьих, СВА характеризовалась

[3] Основы теории международных отношений: Опыт ИМЭМО в 1970-е годы / Под ред. Н.Н. Иноземцева. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 223

наличием наиболее акцентированной международной политической ситуации на Тихом океане – ядерной проблемой Корейского полуострова. В-четвёртых, в контексте её решения Вашингтон впервые в пределах тихоокеанского пространства предпринял попытку выстроить сетевую, американоцентричную архитектуру с привлечением внерегиональных государств.

Теоретическая и методологическая основа. Поскольку в данном исследовании внешняя политика США воспринимается как сложный по своему составу феномен, который существовал на определённом своём этапе в определённых исторических рамках, связанных в первую очередь с внутренним развитием общества и лишь во вторую с особенностями внешней среды, используется следующий теоретико-методологический инструментарий. В качестве фундаментальных выступают следующие методы. Системно-исторический метод позволяет не только проследить эволюцию внешней политики США, но и реконструировать её как комплексную общественную систему, которая представляет собой совокупность постоянно взаимодействующих друг с другом социальных структур, которые тем самым определяют состояние отдельных функциональных подсистем, а само их взаимодействие находится в зависимости в т.ч. и от культурных особенностей американского общества на конкретном историческом этапе своего развития[4]

Чтобы избежать риска фрагментации был использован перекрёстный метод, который позволил построить многомерную картину внешней политики США в отношении СВА как феномена, находящегося на пересечении трёх измерений, характеризующих развитие американского общества, как в целом, так и отдельных, связанных с ним феноменов в частности. Правда, здесь необходимо принять во внимание, что перекрёстный метод не предполагает, чтобы различные измерения одного феномена были изолированными друг от друга, наоборот, он учитывает их взаимовлияние и взаимопроникновение[5].

Понимание исторических процессов, которое послужило прологом к перекрёстному методу, было предложено М.А. Баргом[6] и П. Осборном[7] независимо

[4] Аликберов, А.К. Человек и история в цифровую эпоху: Многомерный подход. М.: Наука, 2023. С. 175–176, 483, 548.
[5] Там же. С. 297–298, 302, 305–306.
[6] Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. С. 62–68, 88.

друг от друга. М.А. Барг утверждал, что эволюция общества зависит от трёх параллельных элементов действительности: эволюционного развития, структурных связей, культурных особенностей общества. П. Осборн в отличии от предшественника считал элементы действительности взаимосвязанными, а вместо культурных особенностей указывал на нарративное измерение. Однако, если принять во внимание тот факт, что в современной политике нарратив используется для обоснования того или иного курса, а его разработчики прибегают к аргументам, которые в конкретной культуре приобретают конкретные значения, то справедливым будет признать, что культурное и нарративное измерение во внешней политике Соединённых Штатов сливаются в единое.

Для анализа динамики американского общества и его эволюции используется историко-генетический метод в интерпретациях Е. Топольского[8], А.М. Шлезингера-мл.[9], В.Н. Гарбузова[10], В.О. Печатнова[11], при этом была переосмыслена концепция циклов американской истории А.М. Шлезингера-мл. Трактовка фаз (активизма, пика и усталости) была признана актуальной, но при этом сами циклы здесь трактуются как асинхронные. Более того, базовый циклический вектор дополняется хронологически локальными и нерегулярными векторами.

При исследовании формальных и неформальных взаимодействий формальных и неформальных участников процесса принятия решений с учётом замечания Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесного[12], более поздних исследований Дж. Линдсэя[13], М. Гальперина и П. Клэпп[14], что максимально полно и точно исследовать внешнюю политику США можно, изучив роль и место неформальных связей в принятии решений, был использован структурный метод в трактовках А.

---

[7]Osborne P. The Politics of Time. Modernity and Avant-Garde. New York – London.: Verso, 1995. P. 18–29, 44–51.
[8] Topolski J. Metodologia historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. S. 522–525.
[9] Schlesinger A.M.-Jr. Op. cit.
[10] Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008; Гарбузоа В.Н. Американские консервативные волны…
[11] Печатнов В.О. Ук. соч.
[12] Механизм формирования внешней политики США / Под ред. Г.А. Трофименко, П.Т. Подлесного. М.: Наука, 1986. 216 с.
[13] Lindsay J.M. Congress and the Politics of U.S. Foreign Policy. Baltimore – London: The Johns Hopkins University Press, 1994.
[14] Halperin M., Clapp P. Bureaucratic Politics of Foreign Policy. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2006.

Людтке[15], С.В. Ярова[16], В.И. Шишкина[17]. Это позволило точнее выявить роль формальных и неформальных связей среди представителей власти и оценить их влияние на политику США в отношении СВА.

Также была применена авторская разработка язык непрямого кодирования (ЯНК)[18]. На основе результатов глобального моделирования была разработана таблица кодов, описывающих систему, состоящую из функциональных подсистем (экономической, военной, торговой, технологической и др.) и их компонентов. Тексты стратегий были разбиты на самостоятельные смысловые фрагменты (приоритеты), чьё содержание было соотнесено с кодами подсистем и их компонентов. В дальнейшем была построена таблица, в которой для каждой стратегии были зафиксированы упоминавшиеся в них подсистемы и компоненты, а также количество упоминаний последних. Это позволило точнее выявить, какие из функциональных приоритетов региональной политики были более важными, чьё значение завышалось искусственно, точнее определить степень влияния отдельных социальных групп.

С помощью качественного контент-анализа были выявлены лексические маркеры, характеризовавшие взгляды американского правительства на собственную внешнюю политику и положение дел в регионе. Кроме него для реконструкции культурно-цивилизационной картины использовался системно-морфологический метод, с которым в качестве инструментария соотносится приём системы координат[19], позволяющий конкретизировать влияние американского коллективного бессознательного на политику США в отношении стран СВА. Кроме того, важные уточнения в исследование культурного измерения внешней политики вносят М. Бисон[20] и Т.В. Бордачев[21], указывая на существование

---

[15] Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 53–68.

[16] Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб.: Европейский дом, 2006.

[17] Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск: Параллель, 2015. С. 13, 15, 23, 26, 46, 50—52.

[18] Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США: Трансформация интерпретаций и межведомственных взаимодействия в 2009–2020 гг. Владивосток.: ИИАЭ ДВО РАН, 2021.

[19] В той или иной мере этот приём применялся в: Согрин В.В. Архетипы и факторы цивилизации США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 5. – С. 3–22; Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. / Под ред. А.В. Яковенко, К.А. Манасенко. М.: Содружество культур, 2023. С. 6–7; Курилла И*. Американцы и все остальные: Истоки и смысл внешней политики США. М.: Альпина Паблишер, 2024. 320 с. (Курилла И.И. внесён в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации).

[20] Rivalry and Cooperation in the Asia-Pacific: Dynamics of a Region in Transition. Vol. 1. / Ed. by M. Beeson. Singapore: World Scientific, 2019. P. 6–19.

международно-правовых и внешнеполитических культур, которые влияют на взаимодействие государства с внешним окружением, а также на восприятие этого внешнего окружения.

Предотвратить размывание границ исторической науки и обеспечить исследованию строгое ей соответствие позволяют принципы исторического исследования. Принцип историзма подразумевает исследование явлений в динамике с учётом исторического временного контекста. Он позволяет реконструировать любое событие как результат предшествовавших взаимодействий и как закономерную последовательность прежних событий, требует черпать и проверять информацию, обращаясь к первоисточникам. Принцип дисциплинарной экологии предполагает, что заимствования из других дисциплин могут быть полезным подспорьем, могут выполнять функцию поставщика полезного инструментария, но при этом они не должны подменять методологию истории собственной. Принцип максимального накопления фактов, также направлен на поддержание принципа историзма и предполагает сбор максимально полной информации об исследуемом предмете, насколько это позволяет доступная в источниках информация, а также последующую её проверку с помощью данных, содержащихся в других источниках.

Источниковая база исследования представлена следующими видами источников.

Национальные и ведомственные стратегии, как и исполнительные указы, регулировавшие отдельные функциональные сферы, позволили проанализировать официальную интерпретацию внешней политики США и их отношений со странами региона.

Комплекс документов Соглашения о ТТП (Соглашение, дополнения к нему, его официальные комментарии, переписка между подписантами) позволил реконструировать картину экономических взаимодействий в регионе. Совместные заявления позволили выявить детали страновых векторов внешней политики США.

Основные источники представлены комплексом публичных документов президентской администрации, Государственного департамента, министерства обороны, торгового представителя США, а именно, заявлениями и выступлениями

---

[21] Бордачев Т.В. Стратегия Московской Руси. Как политическая культура XIII – XV веков повлияла на будущее России. М.: Издательство АСТ, 2024. 336 с.

в Конгрессе, информационными справками, справками для СМИ, интервью, стенограммами пресс-конференций и пресс-брифингов, стенограммами выступлений перед зарубежной аудиторией, списками приглашённых, справками о телефонных беседах. Этот обширнейший комплекс документов позволил проследить эволюцию политики в отношении стран СВА на событийном уровне, выявить основные её этапы, глубже реконструировать логику мышления исполнительной власти, отделить конъюнктурные элементы курса от долгосрочных и тактические шаги от стратегических намерений, выявить ведомственные интересы, проследить изменения межведомственных отношений и использование неформальных практик взаимодействия, выявить персональные вовлечения, оценить их влияние на курс в отношении СВА, реконструировать сети групп интересов, связанных с ведомствами исполнительной власти, идентифицировать место и роль американского коллективного бессознательного в осуществлении политики в отношении СВА, т.к. в них зафиксированы связанные с ними образы и речевые клише. Кроме того, информационные справки, касавшиеся экономических проблем, содержали статистику, которая полнее раскрывает намерения американского правительства.

Точнее реконструировать неформальную сторону логики мышления лиц, принимавших решения, позволила рассекреченная электронная переписка. Казначейские лицензии позволили глубже понять изменения политики Б. Обамы в отношении КНДР в 2015–2016 гг.

Для верификации торгово-экономических тенденций использовались данные Статистического бюро США.

Для определения роли и места Конгресса в политике Соединённых Штатов в отношении СВА в 2009–2016 гг. использовались материалы бюллетеня Конгресса «Конгрешнл Рикорд» и стенограммы слушаний. Также более глубоко понять внешнеэкономическую политику Б. Обамы позволили материалы Исследовательской службы Конгресса.

Кроме официальных использовались источники личного происхождения. Мемуары и иные труды государственных деятелей США позволили выявить персональные взгляды, уточнить персональные стратегии вовлечённости в принятие решений. Публицистические произведения позволили уточнить процесс

социальных перегруппировок, персональные особенности мышления американских политиков, отдельные элементы культурно-цивилизационного измерения внешней политики.

Последней задаче было подчинено и обращение к отдельным трудам представителей американской либеральной и консервативной мысли.

Научная новизна исследования. С учётом общего состояния отечественной и зарубежной историографии представленное исследование обладает следующими аспектами новизны.

1. Внешняя политика США на конкретном историческом примере исследована как эволюционирующее, многомерное явление, зависящее, как минимум, от исторической эволюции американского общества, структуры формальных и неформальных взаимодействий представителей органов власти и культурно-цивилизационных основ американского общества, которые существовали не изолировано, а состояли в отношениях взаимовлияния и взаимопроникновения относительно друг друга.
2. Доказана асинхронность американских исторических циклов.
3. Исследование основано на широком круге опубликованных, а также рассекреченных источников, которые прежде не были введены в научный оборот, впервые вводятся в научный оборот электронные письма как исторический источник.
4. Политика США в отношении СВА оценена как следствие исторически определённой социальной эволюции американского общества, для которого в период 2008–2016 гг. было характерно столкновение старых и новых экономических и политических тенденций.
5. Пересмотрен традиционный для мировой историографии подход, согласно которому термины «кардинальный поворот» и «перебалансировка» являются синонимами при обозначении политики Б. Обамы на Тихом океане. В действительности эти термины скрывали межведомственную борьбу за доминирование в контексте азиатско-тихоокеанской политики США.
6. Реконструирована структура формальных и неформальных взаимодействий между ведомствами и институтами власти с целью обеспечения благоприятных условий для удовлетворения ведомственных интересов в контексте внешней

политики. Выявлены отдельные лексические маркеры и приёмы, свидетельствующие о восприятии той или иной проблемы или характеризующих отношения между ведомствами

7. В процессе реконструкции была применена авторская разработка, язык непрямого кодирования. Он позволил идентифицировать объективно существовавшие тенденции развития США, которые американское правительство принимало, но скрывало в стратегиях за политически мотивированными интерпретациями текущего и перспективного положения Соединённых Штатов.
8. Доказано, что наибольшее влияние на формирование политики Б. Обамы в отношении стран СВА оказывало связанное с глубинными образами американского мировидения культурно-цивилизационное измерение.
9. Выявлено, что высокая конкуренция и конфликтный потенциал первого правительства Б. Обамы оказывали положительное влияние на курс в отношении СВА, в особенности Китая, вынуждая американскую сторону делать акцент на вопросы, благоприятствующие взаимодействию, а не вызывающие разногласия.
10. Реконструкция отношений между исполнительной и законодательной властью позволила определить, что в контексте политики США в отношении СВА ключевая линия раскола прошла между ветвями власти, а не между правящей партией и оппозицией.
11. Доказано, что в региональной политике США во втором десятилетии XXI в. произошло восстановление военно-политического, экономического и идейного каркаса, характерного для политики в условиях противостояния оппонирующему полюсу мировой системы.

Фундаментальная проблема исследования заключается в том, чтобы реконструировать эволюцию внешней политики США в период президентства Б. Обамы в отношении СВА как сложноорганизованное социально-историческое явление, постоянно адаптирующееся к меняющимся условиям среды и являющееся следствием комбинации взаимозависящих и взаимовлияющих параметров развития американского общества: исторически определённой траектории общественного (экономического и политического) развития, структуры формальных и неформальных властных (социальных по своей сути) связей, культурных и

цивилизационных особенностей, присущих американскому обществу на данном этапе исторического развития.

Положения, выносимые на защиту.

1. Исторически сложившиеся тенденции социально-экономического и социально-политического развития США в конце XX – начале XXI вв. определили, что во внешней политике в отношении СВА либеральная (экономическая и политическая) повестка диктовалась проблемами внутреннего развития США.
2. Региональная среда вследствие присутствия двусторонних отношений в ущерб многосторонним, доминирования восточноазиатских экономических подходов, наличия региональных политических проблем и прочной вовлечённости США в дела СВА за счёт военно-политических союзов провоцировала противоречия между экономическими и военно-политическими началами американского регионального курса.
3. Структура формальных и неформальных связей исполнительной власти в процессе разработки политики в отношении стран СВА определила децентрализованный характер её планирования, а сам курс подверженным постоянным тактическим изменениям под воздействием групп интересов, амбиций отдельных политиков, взаимоотношений ветвей власти.
4. В условиях децентрализации планирования и преобладания тактического мышления над стратегическим функции фундаментальной скрепы отдельных внешнеполитических инициатив в отношении СВА выполняли не официальные стратегии, а культурно-цивилизационные факторы, которые к 2016 г. окончательно определили восприятие региона американскими политиками, согласно которому его страны строго делились на союзников и оппонентов США.
5. Вследствие децентрализации планирования и сегментированности регионального курса по страновому принципу, американская политика в отношении каждой из стран СВА в 2009–2016 гг. представляла собой специфическую совокупность методов и инструментов, единство которых на практике поддерживалось либеральными идеями и американскими культурно-цивилизационными основаниями.
6. Несмотря на доминирование неолиберальных идей и объективную необходимость использовать ресурс внешнего рынка для вывода экономики США

из кризиса, в политике в отношении стран СВА определяющим был не экономический, а военно-политический вектор, что привело к возрождению политического каркаса, характерного для периода биполярного противостояния.

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость связана с тем, что в рамках исторической дисциплины, на основе её теоретико-методологических разработок, со строгим соблюдением её принципов – историзма, дисциплинарной экологии, максимального накопления фактов – осуществлено исследование внешней политики, которая с начала XXI в. понимается исследователями, прежде всего, как междисциплинарное поле, в котором исторической науке отводится второстепенная роль. Также в ходе исследования были предложены методологические новации, которые имеют прикладное значение.

Практическая значимость исследования определяется тем, что в его рамках были отработаны аналитические инструменты, разработанные в рамках исторической науки, которые могут применяться при анализе текущей и прогнозировании перспективной политики Соединённых Штатов.

Соответственно некоторые его положения могут быть востребованы у широкого круга практиков, которым приходится сталкиваться с американской внешней политикой и связанными с ней процессами, главным образом, в области дипломатии и международных отношений, прогнозирования внешней политики.

Результаты исследования могут быть использованы для разработки и дополнения учебных курсов по историческим и политическим дисциплинам, связанным с историей и внешней политикой США, международным отношениям.

Кроме того, анализ данной проблематики позволил автору разработать и внедрить следующие новации.

С 2019 г. преподаётся курс «Источниковедения, историографии и методологии всеобщей истории» аспирантам Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Его основным отличием является понимание истории как прикладной дисциплины, открытой к заимствованиям из других наук, но при этом обладающей устойчивым теоретико-методологическим фундаментом и способной служить делу разработки

прикладного инструментария, применимого для анализа текущих и прогнозирования перспективных тенденций.

В 2021 г. был разработан ЯНК, который позволяет реконструировать интерпретацию состояния и наиболее благоприятной траектории развитии США, с точки зрения их правительства, а при использовании его в динамике, степень преемственности и новаторства интерпретаций, предлагаемых сменяемыми правительствами. Это позволяет проверить насколько текстовые интерпретации внешней политики США, принадлежащие политикам, соответствуют стратегическому планированию. Позднее модели, основанные на языке непрямого кодирования, и алгоритм их применения были адаптированы для анализа перспективного внутреннего и внешнего курса на основе предвыборных программ[22].

Предполагается, что совмещение моделирования на основе математических формул, позволяющего получить относительно объективную картину, и моделирования на основе языка непрямого кодирования, позволяющего реконструировать относительно целостную её интерпретацию, позволит выявить расхождения между объективной реальностью и субъективными взглядами политиков на её развитие, что можно впоследствии использовать для влияния на США в интересах Российской Федерации.

Также, совместно с В.Л. Лариным и В.Ю. Мишиным в течение 2017–2018 гг. была разработана и апробирована методика сценируемого круглого стола для сравнительно малых аналитических групп для анализа и прогнозирования международных политических ситуаций.

Апробация. Основные положения диссертационной работы были изложены в 30 публикациях, включая 1 индивидуальную и разделы в 2 коллективных монографиях, 16 статей в журналах, рекомендованных ВАК по специальности 5.6.2 – Всеобщая история. Отдельные положения диссертационного исследования докладывались на 32 международных, Всероссийских и региональных конференциях, в т.ч. «Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики?», (Москва, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, г., 27 мая 2016 г.); Международный научно-экспертный форум Примаковские чтения – 2018,

[22] Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США при Дж. Байдене: предварительная реконструкция национальной стратегии // Вестник СПбГУ. Международные отношения. – 2021. – Т. 14. – №3. – С. 348–373.

«Риски нестабильного мира»; Международная научная конференция «Международные отношения в эпоху неопределённости». (Республика Сербия, г. Белград, Белградский национальный университет, 17–19 июня 2019 г.); XXVI IPSA Congress, International Political Science Association, Universidade Nova de Lisboa, 10–15 июля 2021 г., Международная научно-практическая конференция «Колониализм на Востоке: и его влияние на современный мир», (Российское историческое общество, г. Владивосток, 10 сентября 2023 г.); Международный II Санкт-Петербургский конгресс международных отношений «Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 24–26 мая 2024 г.); Международная конференция молодых учёных и аспирантов «США в 2024 г.» (ИСК РАН, г. Москва, 24–25 октября 2024 г.); Международная научная конференция «Колониальная, неоколониальная и постколониальная политика Запада в исторической ретроспективе» (ИВИ РАН, г. Москва, 10–11 апреля 2025 г.), Международная научно-практическая конференция «Уроки Великой Отечественной и Второй Мировой войн: к 80-летию Великой Победы (ДВФУ, Российское историческое общество, г. Владивосток, 3 сентября 2025 г.), II Всероссийская научная конференция с международным участием «Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации» (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, 21 – 22 ноября 2017 г.); XIV Съезд востоковедов России (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток, 23–26 сентября 2024 г.); Всероссийская конференция «Основные тенденции США во внешней политике XX – XXI вв.» (НИ ТГУ, г. Томск, 20–21 марта 2025 г.).

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы исследования, определяется объект, предмет, цель, задачи, хронологические и территориальные рамки исследования, описана теоретико-методологическая основа, представлен обзор источников, указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость, апробация работы.

В главе первой «Политика США в отношении СВА в 2009–2016 гг. в оценках исследователей» представлен анализ прежде проведённых исследований. В целом, они характеризуются эпизодичностью и реактивностью, поскольку были созданы страноведами, политологами, экономистами и служили аналитическим ответом на текущие американские внешнеполитические шаги. Были проанализированы работы, написанные российскими, американскими, китайскими, британскими, европейскими исследователями и их коллегами, представлявшими страны АТР. Несмотря на то что между этими национальными историографиями существовали определённые тематические и методологические различия, все они касались трёх категорий, связанных с внешней политики США: внутренние тенденции развития Соединённых Штатов, американская политика в отношении СВА как части АТР, региональные тенденции в АТР и СВА, которые формировали их архитектуру, логику и принципы взаимодействия между странами, и место США в них.

В параграфе 1.1. «Внутренние тенденции развития США в оценках исследователей» дан обзор исследований, которые посвящены внутренним тенденциям, влиявшим на американскую внешнюю политику в 2009–2016 гг. Выделяется две приоритетных проблемы анализа: последствия экономического кризиса 2008 г. и межпартийное размежевание. В рамках первой проблемы наибольшее внимание уделялось вопросам антикризисных мер и степени их эффективности[23], отраслевой перестройке хозяйства[24]. Основная дискуссия

[23] Экономика США в XXI веке: вызовы и тенденции / Под ред. В.Б. Супяна. М.: Весь Мир, 2018; Васильев В.С., Роговский Е.А. Мировой финансовый кризис и экономическая стратегия Б. Обамы – Т. Гайтнера // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – №4. – С. 3–29; Супян В.Б. Послекризисное развития экономики США: новые вызовы // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №5. – С. 3–17; Пороховский А.А. Структурные изменения американской экономики после кризиса 2007–2009 гг. // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №3. – С. 3–18.

[24] Варнавский В.Г. Глобальная конкурентоспособность обрабатывающей промышленности США // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №2. – С. 34–46; Парканский А.А. Мифы и реалии американо-китайских экономических отношений // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №3. – С. 19–35; Потапов М.А. К вопросу об устойчивости китайской экономики в период мировых и региональных кризисов // Проблемы Дальнего Востока. – 2013. – №3. – С. 90–96; Глобальная перестройка /

проходила между экономистами, считавшими, что либеральные начала продолжат играть стержневую роль в американской экономике, и указывавшими на приоритетную роль реиндустриализации, как ключевой тенденции развития хозяйства США. При этом исследователи были едины, что Б. Обама стремился обеспечить технологическое лидерство и доминирование американской экономики в мире.

Среди исследований, посвящённых партийно-политическому и общественно-политическому развитию США, выделяется монография Н.М. Травкиной[25], считавшей, что по итогам президентства Б. Обамы американское общество подошло к переломному моменту. Остальные исследования здесь можно разделить на три группы. Первая из них посвящена роли и месту Б. Обамы в американском политическом раскладе[26]. Вторая касается проблем построения двухпартийного консенсуса[27]. Третья обращает внимание на партийную эволюцию, делая акцент на изменениях в Республиканской партии[28]. Результат этих трансформаций спровоцировал формирование антикитайского консенсуса и рост напряжённости в отношениях США и Китая[29].

Таким образом, результаты исследований свидетельствуют, что внутреннее положение США при Б. Обаме характеризовалось постепенным усилением двух

Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2014. С. 93–116; Толкачёв С.А., Тепляков А.Ю. Региональная промышленная политика и решоринг в США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №10. – С. 56–72.

[25] Травкина Н.М. США: меняющийся алгоритм развития. М.: Весь мир, 2018.

[26] Травкина Н.М. Выборы-2008: время несистемных политиков? // США – Канада: экономика, политика, культура. 2008. – №9. – С. 3–36; Косолапов Н.А. Новая администрация США: наследие, проблемы, задачи // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – №4. – С. 22–34; Osborn, T., McClurg, S.D., Knoll, B. Voter Mobilization and the Obama Victory // American Politics Research. – 2010. – Vol. 38. – № 2. – P. 211–232; Franz, M.M., Ridout, T.N. Political Advertising and Persuasion in the 2004 and 2008 Presidential Elections // American Politics Research. – 2010. –Vol. 38. – № 2. – P. 303–329; Maske, T., Shokhey, A.E. Revisiting the Divisive Primary Hypothesis: 2008 and the Clinton–Obama Nomination Battle // American Politics Research. – 2010. – Vol. 38. – № 2. – P. 233–265.

[27] Кириченко Э.В. США: стратегия выхода из кризиса // Год планеты. Выпуск 2010 г. / Под ред. В.Г. Барановского. М.: Идея-Пресс, 2011. С. 159–171; Васильев В.С. «Из тени в свет пролетая» и обратно: анатомия финансовых потрясений // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №7. – С. 3–23; Clarke, A.J. Party Sub-Brands and American Party Factions // American Journal of Political Science. – 2020. – Vol. 64. – № 3. – P. 452–470.

[28] Campbell D.E., Putnam R.D. God and Cesar in America. Why Mixing Religion and Politics Is Bad for Both // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 2. – P. 34–43; Алхименков М.А. Религиозные аспекты внешнеполитических постулатов Республиканской партии США: консервативная эволюция 2008–2011 гг. // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 38–54; Алхименков М.А. Религиозные аспекты внешнеполитических постулатов Республиканской партии США: консервативная эволюция 2008–2011 гг. // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №11. – С. 38–54.

[29] Тимофеев О.А. Тема отношений США с КНР в президентской кампании 2012 года // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №2. – С. 47–56; Труш С.М. Выборные циклы в США и КНР: следствия для двусторонних отношений // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №3. – С. 21–36.

важнейших разделительных линий: экономической между сторонниками либерализма и реиндустриализации и партийно-политической между двумя ведущими партиями.

В то же время такая реконструкция внутренних процессов в Соединённых Штатов сводит их к сравнительно простой бинарной картине, что, во-первых, исключает из аналитического поля другие разделительные линии, а, во-вторых, несмотря на отдельные аналитические достижения, прячет разные грани происходивших изменений за общими процессами.

Исследования, проанализированные **в параграфе 1.2. «Региональный курс США в оценках исследователей»**, можно сгруппировать в пять тематических блоков. В первом из них внимание уделено общим стратегическим и политическим рамкам курса. Здесь выделяются следующие группы работ. Наиболее общие из них посвящены политическим рамкам внешнего курса Б. Обамы и влиянию властного транзита к нему от Дж. Буша-младшего[30]. Основная дискуссия касалась вопросов соотношения идеалистических и реалистических начал, а также образа стратегического мышления и практических шагов.

Второй блок исследований касается внешнеполитического процесса. Его наиболее глубокий и подробный анализ провёл Дж. Манн[31], реконструировав межличностные, межведомственные формальные и неформальные взаимодействия в администрации и правительстве Б. Обамы, выделив противоборствующие группы в рядах исполнительной власти. Ограничиваясь китайским направлением курса, близких результатов достиг Юань Пэн[32]. Для остальных исследований характерен

---

[30] Brooks S.G., Wohlforth W.C. Reshaping the World Order. How Washington Should Reform International Institutes // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88. – №2. – P. 49–63; Dumbrell J. American Power: Crisis or Renewal // Politics. – 2010. – Vol. 30. – № S1. – P. 15–23; Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь мир, 2011. С. 173–217; Рогов С.М. Перспективы политики администрации Обамы // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 3. – С. 3–22; Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии / Под ред. Д.В. Гордиенко. М.: ИДВ РАН, 2012. 232 с; Nguyen Thi Thui Hang. The US Rebalance towards the Asia-Pacific: Really Realist? // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2016. – Vol. 3. – № 3. – P. 291–306; Конышев В.Н. Сергунин А.А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №1. – С. 23–36; Yang Qiaoyan, Guo Qi. Changes in the U.S. 2010 National Security Strategy. Based on Frequency of Word Usage // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №5. – P. 119–131.

[31] Mann J. The Obamians. The Struggle Inside the White House to Redefine American Power. New York: Penguin Books, 2012.

[32] Yuan Peng. Strategic Reassurance and the Future of China – U.S. Relations // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №5. – P. 17–29.

биографический анализ, выделение персональных особенностей Б. Обамы и его министров, влиявших на принятие решений[33].

В то же время, несмотря на глубокий структурный или временной анализ скрытых элементов процесса принятия решений, доминирует подход, который образно можно сравнить с фотографией, в соответствии с которым реконструируется картина момента, но не динамика трансформаций.

В немногочисленных работах третьего блока раскрывается взаимосвязь между внешнеполитическим процессом и практическим курсом Б. Обамы. К. Дуек[34], анализируя внешнюю политику Б. Обамы, указывал, что 44-й президент считал более приоритетным поддержание либерального порядка внутри США, чтобы обеспечить переизбрание, а внешняя политика для него была вторичной. При этом, К. Дуек опровергает устоявшуюся точку зрения, что азиатско-тихоокеанское направление было ключевым во внешней политике Б. Обамы. Сам процесс принятия решения им характеризуется как монолитный, несмотря на усилия госсекретаря Х. Клинтон создать собственную политическую нишу.

Д. Чоллет[35] точнее выписывает идейные различия между либералами и консерваторами и их влияние на внешнюю политику в начале XXI в., что позволяет глубже понять мотивы действий правительства Б. Обамы. Он констатирует, что на тихоокеанском направлении американский курс попал в зависимость от постоянных межведомственных разногласий, что мешало достижению положительных результатов.

Хотя А. Пайрс[36] тенденциозна в своих оценках президентства Б. Обамы, она уточняет место и роль профессионалов и назначенцев во внешнеполитическом процессе, а также, подобно К. Дуеку, не считает азиатско-тихоокеанское направление курса приоритетным.

---

[33] Самуйлов С.М. Кто отвечает в Вашингтоне за внешнюю политику и военную политику // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – №6. – С. 55–68; Бондарев В.В. Совет национальной безопасности США при администрации Обамы // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 11. – С. 33–48; Попов А.А. Вторая администрация Барака Обамы // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2013. – №6. – С. 17–40; Шенин С.Ю. Долгий путь в Пентагон: взгляды и интересы Чака Хейгла // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №9. – С. 95–106.

[34] Dueck C. The Obama Doctrine. American Grand Strategy Today. Oxford: Oxford University Press, 2015.

[35] Chollet D. The Long Game. How Obama Defied Washington and Redefined America's Role in the World. New York: Public Affairs, 2016.

[36] Pierce A.R. A Perilous Path. The Misguided Foreign Policy of Barack Obama, Hillary Clinton and John Kerry. Ney York: Post Hill Press, 2016.

Исследования четвёртого блока посвящены отдельным функциональным направлениям внешней политики. Отмечалось, что во внешнеэкономической сфере после кризиса 2008 г. вновь усилилась роль государственного регулирования[37]. Исследователи военно-политического вектора констатировали, что рост его значимости стал реакцией на модернизацию вооружённых сил Китая и предполагал акцент на технологическое перевооружение армии и флота США[38].

Пятый блок, посвящённый политике США в отношении отдельных стран региона и отношениям с ними с особым акцентом на китайский вектор, наиболее обширен. Курс в отношении КНР оценивался противоречивым ввиду сочетания вовлечения и сдерживания, влияния разных аналитических школ на принятие решений, отсутствия единства в правительстве США[39]. Причины обострения двусторонних отношений С.М. Труш[40] видел в экономической плоскости, главным образом, в структуре экспорта и импорта. Я.В. Лексютина[41], наоборот, больше обращала внимание на политико-правовой аспект американо-китайских трений.

Большинство американских исследователей видит первопричиной ухудшения отношений США и КНР стало усилившееся в экспертной и политической среде Соединённых Штатов негативное восприятии Китая, который

---

[37] Портанский А.П. Вашингтон пересматривает свои торговые приоритеты // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – №12. – С. 27–40; Давыдов А.Ю. Внешняя торговля США и её государственное регулирование // США – Канада: экономика, политика, культура. 2009. – № 1. – С. 13–28.

[38] Бубнова Н.И. Военно-политический курс США во втором десятилетии XXI века. М.: РОССПЭН, 2021; Фарамазян Р.А. Военные расходы США // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – №6. – С. 47–56; Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №11. – С. 3–22.

[39] Глобальная перестройка… С. 399 – 414; Тимофеев О.А. США: поиски новой стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №3. – С. 16–27; Савельев А.Г. Политика безопасности США: сдвиг в сторону Китая // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №8. – С. 5–13.

[40] Труш С.М. Динамика отношений КНР – США: мотивации России // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №4. – С. 19–42.

[41] Лексютина Я.В. Противоречия между США и КНР в районе Южно-Китайского моря // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – №8. – С. 16–29.

стал считаться источником угроз[42]. Оценки, содержащиеся в ряде научных публикаций, подтверждают эту точку зрения[43].

В китайской историографии оптимистические оценки перспектив отношений с США немногочисленны[44]. В большинстве своём китайские исследователи, проанализировав системные условия, дипломатический контекст, политические и переговорные повестки двух стран, а также восприятие сторонами друг друга, пришли к пессимистическому выводу о том, что ухудшение двусторонних отношений было неизбежным[45]. Как нетрудно заметить, среди и китайских и американских исследований доминировал негативный взгляд на проблемы отношений.

Другие исследователи видели причины сложившегося положения в прежних просчётах, различиях в восприятии сторонами друг друга[46].

Вопросы политики США в отношении стран СВА заняли незначительное место. В частности, Д.В. Стрельцов[47] отмечал, что вследствие политики Б. Обамы Япония приняла роль союзника, оказывающего тыловую и логистическую поддержку. Ряд исследователей констатировал неудачу северокорейского курса 44-

---

[42] Kissinger H.A. The Future of U.S. – Chinese Relations. Conflict Is a Choice, Not a Necessity // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – №2.– P. 44–55; Nye J.S., Jr. The Future of American Power. Dominance and Decline in Perspective // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 89. – № 6. – P. 2–12; Gries P.H., Zhang Qingmin, Crowson M.H., Cai Huajian. Patriotism, Nationalism and China's US Policy: Structures and Consequences of Chinese National Identity // The China Quarterly. – 2011.– №1. – P. 1–17; O'Hanlon M.E., Steinberg J. A Glass Half Full? Rebalance, Reassurance, and Resolve in the U.S. – China Strategic Relationship. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2017.

[43] Economy E.C. The Game Changer. Coping With China's Foreign Policy Revolution // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. N 6. P. 142–152; Indyk M.S., Liberthal K.G., O'Hanlon M.E. Scoring Obama's Foreign Policy. A Progressive Pragmatist Tries to Bend History // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 3. – P. 29–43; Malik M. Balancing Act. The China – India – U.S. Triangle // World Affairs. – 2016. – Vol. 179. – №1. – P. 46–57; Harris P. The Imminent US Strategic Adjustment to China // The Chinese Journal of International Politics. – 2015. – Vol. 8.– P. 219–250; Segal A. Chinese Computer Games. Keeping Safe in Cyberspace // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – № 2. – P. 14–20.

[44] Liu Liping. On the Basis of Sino – U.S. Cooperation // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №1.– P. 1–16; Cui Tiankai On the Asia-Pacific and Sound for the China–US Interaction in the Region // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 16–24.

[45] Zhu Feng. China Studies on U.S. Strategy and Sino–U.S. Relations // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №5. – P. 68–72; Pan Rui. Sino – U.S. Relations: Forty Years After the Issuance of the "Shanghai Communique" // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 41–53; Yu Hongyuan. The New Development of US Climate Policy and the Implications for China–US Cooperation // Global Review. – 2013. – №4. – P. 55 – 70; Yan Xuetong, Qi Haixia. Football Game Rather Than Boxing Match: China – US Intesifying Rivalry Does not Amount to Cold War // The Chinese Journal of International Politics. – 2012. – Vol. 5. – P. 105–127.

[46] Liu Fu-Kuo. The Structural Change in the United States – China Relation: Security Implications for The Asia Pacific Region // East Asian Review. – 2011. – Vol. 14. – P. 39–56; Babones S. The Middling Kingdom. The Hype and the Reality of China's Rise // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 90. – №5. – P. 79–88; Atanassova-Cornelis E. Chinese Nation Building and Foreign Policy: Japan and the US as the Significant "Others" in National Identity Construction // East Asia. – 2012. – Vol. 29. – №1. – P. 95–108.

[47] Стрельцов Д.В. Политика Японии в сфере военной безопасности при кабинетах С. Абэ: новые подходы // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №3. –С. 21–32.

го президента[48]. А. Файзулаев[49] подчёркивал, что в отношении Монголии в политике США доминировали геополитические интересы. А.В. Волошина[50] указывал на отсутствие единства в экспертном сообществе США по тайваньскому вопросу.

В целом, при соотнесении описанной картины с целями и задачами настоящего исследования обнаруживается, что незначительное внимание уделяется влиянию исторических, эволюционных процессов на внешнюю политику США в период президентства Б. Обамы.

В параграфе 1.3 «Эволюция АТР и СВА в оценках исследователей: роль и место США» проанализированы две обширных группы работ. Представители первой стремились выявить фундаментальные, общие для всех стран регионов процессы, которые в свою очередь определяли видимые процессы второго порядка, такие как интеграция, рост напряжённости и др. Наиболее полно эту картину реконструировал исследовательский коллектив под руководством А.Д. Воскресенского, указав на наличие объективного положения внутри стран, его субъективной интерпретации, наличия общих для ряда стран проблем и функциональных подсистем. Эти факторы способствуют сближению стран или сдерживают его. Это предопределило стремление восточноазиатских стран вступать в интеграционные объединения, тяготение их к определённому географическому вектору. Чтобы вписаться в эту архитектуру, США делали ставку на двусторонние отношения, стремясь одновременно сдержать самостоятельности стран СВА[51].

Б. Уомак[52] интерпретирует регион СВА через призму понятия «стран-узлов», связывающих пространство воедино. Здесь он оппонирует Г. Розману[53], ранее утверждавшему, что СВА является регионом, разобщённым из-за отсутствия

---

[48] Жебин А.З. КНДР: несменяемый вектор // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №3. – С. 46–66; Гарусова Л.Н. Северная Корея в период транзита власти в оценках американского политико-академического сообщества // Россия и АТР. – 2012. – №2. – С. 122–134.

[49] Файзулаев Д.А. Битва за Монголию: оправдывает ли цель средства? // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №3. – С. 29–41.

[50]. Волошина А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №6. – С. 80–93.

[51] «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО–Университет, 2010.

[52] Womak B. Northeast Asia in a Multinodal World // East Asia. – 2014. – Vol. 31. – № 3. – P. 171–182.

[53] Rozman G. Northeast Asia Stunted Regionalism. Bilateral Distrust in the Shadow of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

синхронности в двусторонних отношениях между его странами. Другая пара оппонирующих исследований представлена монографиями А.Д. Богатурова[54], утверждавшего, что после холодной войны регион Восточной Азии сформировали экономические начала, и М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе[55], отдававших эту роль военно-политическим факторам. Ш. Хамейри и К. Джайасурия[56], в свою очередь, отмечали, что архитектура региона размывается за счёт нетрадиционных проблем безопасности, что, по мнению М. Судзуки[57], вынуждало США внедрить в регион своё видение интеграции.

В большинстве же работ чётко акцентируется внимание на политике США. Ряд исследователей считал приоритетным экономическое направление, а ключевую роль в трансформации региона, несмотря на несбалансированность, отводил ТТП. Последнее представлялось прообразом будущих соглашений[58]. В то же время Лю Бо[59] подчёркивал, что несмотря на интеграционные усилия, высокая роль двусторонних противоречий сохранялась. Их оппоненты[60] отдавали приоритет военно-политической проблематике в формировании региональной архитектуры, но также признавали сдерживающее влияние противоречий.

Особое внимание уделялось тому, как влияет рост американо-китайских противоречий на регион. Т. Дж. Кристенсен[61] называл подъём Китая ключевой

---

[54] Богатуров А.Д. Великие державы на тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй Мировой войны. (1945–1955). М.: Конверт – НОФМО, 1997.

[55] Крупянко М.И., Арешидзе А.Г. США и Восточная Азия. Борьба за «новый порядок». М.: Международные отношения, 2010.

[56] Hameiri Sh., Jayasuriya K. Regulatory Regionalism and Dynamics of Territorial Politics: The Case of Asia-Pacific Region // Political Studies. – 2011. – Vol. 59. – № 11. – P. 20–37

[57] Suzuki M. Introduction: The rise of formal institutions in the Asia-Pacific region through regime complexity // International Relations of the Asia-Pacific. – 2024. – Vol. 24. – №3. – P. 367–397.

[58] Лукин А.Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2009; Федоровский А.В. Эволюция АТЭС и перспективы региональных интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – №1. – С. 40–50; Сидоров А.А. США и Транстихоокеанское партнёрство: проблемы и перспективы // США– Канада: экономика, политика, культура. – 2012. – №11. – С. 14–32; Парканский А.Б. Азиатско-Тихоокеанское направление экономической политики США // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2014. – №2. – С. 3–24; Костюнина Г., Баронов В, Транстихоокеанское пратнёрство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // Международная жизнь. – 2016. – №2. – С. 90–112.

[59] Лю Бо. Соглашение о Транстихоокеанском партнёрстве и контрмеры Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №6. – С. 56–66.

[60] Sun Ru. The Prospects of the United States' Asia-Pacific Alliance System // China International Studies. – 2012. – №4. – P. 54–75; Satake T., Hemmings J. Japan – Australia security Cooperation in the bilateral and multilateral contexts // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 815–834; Yang Fang, Li Mingjiang. Comparing China's Claims and Policies in the East and South China Seas: Implications for Regional Security // Journal of Asian Security and International Affairs. – 2016. – Vol. 3. – №2. – P. 135–156.

[61] Christensen, T. J. The China Challenge. Shaping the Choices of a Rising Power. New York – London: W.W. Norton & Company, 2015.

трансформацией в мире после холодной войны. КНР оказалась в центре глобальной экономической кооперации, её экспорт в США с начала XXI в. стал стремительно расти, на что США ответили политическим форматом СЭД, для которого экономическая повестка служила лишь ширмой. Ню Синьчунь[62] уточняет, что положение в отношениях США и КНР было непрочным из-за разницы стран в подходах к решению экономических и политических проблем. Однако, большинство исследователей обращали внимание на вопросы интеграции и проводили тезис, что на Тихом океане формируется новая биполярная архитектура с центрами в лице Соединённых Штатов и Китая[63].

Причины ухудшения отношений США и КНР одни исследователи[64] связывали с начальным этапом трансформации глобальной архитектуры, которая протекала, прежде всего, в экономической плоскости, другие – с политическими и военными проблемами[65].

При этом, по мнению ряда учёных, Соединённые Штаты, стремясь построить отвечавший их интересам порядок, сами в немалой степени способствовали региональной трансформации и возвышению Китая, не только экономического, но и политического[66]. Как следствие Вашингтон был вынужден усилить взаимодействие с союзными ему Токио и Сеулом[67].

---

[62] Niu Xinchun. Sino – US Relations: Dependence and Fragility // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №1. – P. 74–95.

[63] Семин А.В. Восточноазиатское сообщество: что мешает воплотить идею // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №6. –С. 45–51; Чжао Синь. Внешняя торговля КНР в XXI веке: особенности государственного регулирования и динамики развития // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – №4. – С. 41–55; Портной М.А. Трансокеанские партнёрства – новый этап мирового интеграционного процесса // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2016. – №8. – С. 73–84; Chiang Min-Hua. The Potential of China – Japan – South Korea Free Trade Agreement // East Asia. – 2013. – Vol. 30. – №3. – P. 199–216; Кикучи Т. Новый порядок в АТР. Японский взгляд на экономические процессы // Россия в глобальной политике. 2015. – №6. – С. 164–175; Fu Mengzi. Tackling Challenges in the Global Economy and Building a New World Order – China Influence and U.S. Factors // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №2. – P. 1–9; Song Guoyou. Competition for Rules: China, the United States and East Asian FTA Negotiations // East Asian Review. – Vol. 16. – 2015. – P. 41–52.

[64] Owen J.M. Two emerging international orders? China and the United States // International Affairs. – 2021. – Vol. 97. – №5. – P. 1415–1431; Lobell S.E., Ernstsen J. The liberal international trading order (LITO) in an era of shifting capabilities // International Affairs. – 2018. – Vol. 97. – №5. – P. 1489–1504.

[65] Волошина А.В. Северо-Восточная Азия в современной внешнеполитической стратегии Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2015. – №6. – С. 12–24; Yuan Peng. China – U.S. Handshake in Northeast Asia // Contemporary International Relations. – 2011. – Vol. 21. – №1. – P. 11–24; Челлани Б. Тень Китая над Азией и политика США // Россия в глобальной политике. – 2010. – Т. 8. – №6. – С. 161–178; Mearsheimer J.J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. – Vol. 3. – P. 381–396; Трифонов В.И. Тайваньский вопрос на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – №3. – С. 28–36; Lin Hongyu. Google and Sino-U.S. Relations // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №1. – P. 44–49.

[66] Pardo R.P. China and Northeast Assia Regional Security Architecture: The Six-Party Talks as a Case of Chinese Regime-Building? // East Asia. – 2012. – Vol. – 29. №4. – P. 337–354; Асмолов К.В. Китай и Северная Корея:

Таким образом, несмотря на широкий круг изученных проблем, исследователи касались явной, самой простой их стороны, игнорируя субъективные и культурные причины изменений.

В целом, все работы обладают следующими характеристиками: проводятся простые классификации явлений и процессов, доминируют ситуационные исследования, сказывается сильное влияние окружавшей действительности. При этом были упущены сложная динамика внутреннего развития США, влиявшая на региональный курс, глубинные основы межгосударственного взаимодействия в СВА, влияние неформальных общественных взаимодействий на политику в отношении региона, отсутствуют исследования, посвящённые культурной стороне политики в отношении региона, роли символов и коллективных представлений о нём. Соответственно и на событийном уровне политика США в отношении СВА не анализировалась как следствие этих, связанных друг с другом и влияющих друг на друга измерений, которые постоянно развиваются и эволюционируют.

Глава 2 «Историческая динамика как фактор эволюции внешней политики США в 2009–2016 гг.».

В параграфе 2.1. «Социальные трансформации США в начале XXI века» выделяется шесть качественных критериев, в соответствии с которыми реконструируется эволюция американского общества. Первый из них – большие асинхронные исторические циклы, которые представляют собой этапы развития социума Соединённых Штатов через призму связанных проблем социально-экономического, социально-политического развития и нахождения выразителей тех или иных интересов у власти. Президентство Б. Обамы пришлось на период после кризиса 2008 г., который подвёл черту под пиком либерального цикла и ознаменовал начало фазы его упадка. В течение неё правительство по инерции

проблемы и перспективы взаимоотношений // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – №4. – С. 26–36; Gui Yongtao. The Future of Korean Peninsula and Major Power Relations in Northeast Asia // East Asian Review. – 2011. – Vol. – 14. – P. 21–38; Wei Zonglei, Fu Yu. China's Foreign Strategy: Constantly Deepening and Broadening // Contemporary International Relations. – 2010. – Vol. 20. – №2. – P. 79–95; Kaplan R.D. Center Stage for the Twenty-first Century. Power Plays in the Indian Ocean // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88. – № 2. – P. 16–36; Kaplan R.D. The Geography of Chinese Power. How Far Can Beijing Reach on Land and at Sea // Foreign Affairs. – 2010. – Vol. 89. – № 3. – P. 22–41.

[67] Wallace C. Leaving (north-east) Asia? Japan's southern strategy // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 883–904; Sakaki A., Nishino Ju. Japan's South Korea predicament // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 735–754; Gr∅nning B. Operational and industrial military integration: extending the frontiers of the Japan – US alliance // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 755–772; Brown J.D. Japan's security cooperation with Russia: neutralizing the threat of a China-Russia // International Affairs. – 2018. – Vol. 94. – №4. – P. 861–882.

следовало привычным способам решения проблем. Однако, появились сторонники новых подходов, прежде всего, это были группы, заинтересованные в реиндустриализации, которая стала ключевым вектором развития американской экономики с 2014 г.

Второй критерий позволяет проследить более дробную динамику политической и властной эволюции, а в центре исследовательского внимания оказываются сроки полномочий президента, администраций, правительств, Конгресса. В 2009–2012 гг. между двумя ветвями власти и партиями, в целом, существовал либеральный консенсус. Однако, с 2010 г. он не распространялся на вопрос финансирования науки: демократы выступали за централизованный государственный подход, республиканцы ставили во главу угла силы самоорганизации, чем воспрепятствовали главе государства взять реиндустриализационные процессы под свой контроль. Как следствие президент реализовал свой подход только в отношении ВПК. В 2013 г. в Конгрессе правящая партия и оппозиция совместно запустили серию слушаний, посвящённых тихоокеанской политике Б. Обамы, а по итогам выборов 2014 г. разделительная линия между ветвями власти дополнилась и межпартийным размежеванием.

Третий критерий касается волнообразного развития политических партий, эволюции их повестки, смены доминирующих идей. К началу президентского срока Б. Обамы в Демократической партии возобладала волна клинтоновского прогрессизма. В центре внешнеполитической повестки были контроль за процессами глобализации, многостороннее сотрудничество, формирование справедливого миропорядка. Активнее стала использоваться электронная среда.

В то же время в ответ на победу Б. Обамы на выборах 2008 г. Республиканская партия консолидировалась на более правых основах, чем во времена Р. Рейгана. При этом к 2015 г. демократы исчерпали повестку клинтоновского прогрессизма и, чтобы не делать акцент на группе Б. Сандерса, которая была левым антиподом крайне правых, они обратились к радикальной части наследия У. Клинтона, подняли проблему меньшинств.

Четвёртый критерий касается доминирования определённой идеологии или фундаментальных идей политики, к которым в рамках настоящего исследования относятся кейнсианство и (нео)либерализм. Так, несмотря на доминирование

либеральных идей и устойчивую деиндустриализацию, в кейнсианском смысле воспринимался внешнеторговый дефицит как вредное для хозяйства явление. Во внешней политике также, несмотря на веру в силу либеральных идей, сохранялись мыслительные клише периода холодной войны.

Пятый критерий выводится из доминирования во власти определённой социальной управленческой группы. Ею выступали носители либеральных идей, чья инфильтрация в среду исполнительной власти усилилась в 1990-е гг. и стала нормой к президентству Б. Обамы.

Шестой критерий – модель организации экономики и промышленного производства, которая в период 1980-х – начала 2020-х гг. характеризовалась либеральными началами, выносом производств, широкой международной производственно-сбытовой кооперацией.

Несмотря на различия собственной динамики каждого из векторов, чётко выделяется эволюция президентства Б. Обамы: 2009–2012 гг. – период реализации либеральной внешней политики, вера в её эффективность, 2013–2014 гг. – её кризис, о чём свидетельствовала неудачная попытка президента проводить курс в интересах групп общества, связанных с реиндустриализацией, 2015–2016 гг. – стратегическая фрустрация исполнительной власти, которая характеризовалась спешной адаптацией прежней политики, поиском альтернатив ей, фрагментацией правительства.

В параграфе 2.2 «Северо-Восточная Азия: региональные трансформации, место и роль США в них» проанализирован регион СВА как внешняя для США среда. Выделено, что для него была характерна конфуцианская культура международных отношений, где приоритет взаимодействия отдаётся практическим шагам. Это отличало её от идеалистической европейской культуры, обладавшей писанной основой. Последняя не была чужда конфуцианской, поскольку в отношениях между собой страны следовали формальной юридической норме. В годы холодной войны это позволило США и СССР прочно закрепиться в СВА, создать совокупности двусторонних альянсов, сформировать в регионе разделительные линии между блоками и частями стран, которые в начале холодной войны были охвачены гражданскими войнами (Корея, Китай). В 1960-е гг. вследствие ухудшения советско-китайских отношений в СВА появилась ещё одна

разделительная линия. В этих условиях Япония, делая ставку на экономику, стала формировать региональную систему международных отношений на традиционных для Восточной Азии основах приоритета практики и взаимного интереса. США, распространяя противостояние с СССР на новые географические пространства, в 1970-х гг. предприняли первую попытку построить Индо-Тихоокеанский регион (ИТР) на политических началах. Таким образом, к 1980-м гг. сформировались две оппонирующие тенденции регионального развития.

Противоречия между ними проявились в 1980-х гг., когда США стали инвестировать в КНР, что там воспринималось принятием конфуцианских норм взаимодействия, но при этом требовали соблюдения прав человека.

Однако, впоследствии США, придерживаясь постулата «игры с всеобщим выигрышем», сделали ставку на присоединение к АТЭС, индигенному многостороннему формату. В Вашингтоне рассматривали его в качестве одного из элементов глобального либерального экономического пространства, чьею единственной скрепой являются США. Тем не менее, в последующие годы основная ставка была сделана на заключение двусторонних соглашений о свободной торговле (ССТ), предполагавшие, тем не менее, определённые ограничения.

Эти противоречия между американскими представлениями и практикой стали одной из причин того, что в 2006 г. Дж. Буш-мл. на саммите АТЭС выступил с инициативой развить развивать широчайшую торгово-экономическую кооперацию со странами региона, которая в дальнейшем была осуществлена в рамках переговоров ТТП. Позднее к ним присоединились Канада, Мексика и Япония. Как следствие, при Б. Обаме США приблизились к реализации клинтоновской идеи «скрепы экономических центров мира» на Тихом океане.

Параллельно азиатский кризис 1997 г. подстегнул страны Восточной Азии быстрее осуществлять на практике новые подходы к экономической интеграции, которые включали акцент на кооперацию и снижение тарифов. Центром этой архитектуры стали страны АСЕАН, которые наладили экономические отношения с Японией, РК и Китаем, как региональными хозяйственными лидерами, в рамках формата АСЕАН+3. Независимо КНР использовала шестисторонние переговоров

по ядерной проблеме Корейского полуострова, чтобы заложить фундамент для трёхсторонних переговоров с Японией и Республикой Корея.

Соединённые Штаты же оставались в стороне от этих процессов и только после экономического кризиса 2008 г. предприняли аналогичные шагам, когда в 2010 г. начались переговоры о ТТП. Таким образом, США в вопросах создания экономической архитектуры на Тихом океане, в Восточной Азии и СВА отстали от стран региона на 10–12 лет.

Немаловажным фактором для США стало и то, что страны СВА предприняли попытки сформировать региональное пространства на основе собственных представлений. Так Япония, с середины 2000-х гг., опираясь на идеи С. Абэ об ИТР и идею «Дуги свободы» Т. Асо, стала создавать своё индо-тихоокеанское пространство на основе экономики и восточноазиатского способа взаимодействия. В 2013 г. Китай выступил с Инициативой пояса и пути, что предполагало построение пространства на принципах и нормах конфуцианской региональной системы.

Единственной сферой, где после холодной войны США сохранили лидерство в СВА и на Тихом океане, была военно-политическая. Используя прежний задел и опасения союзников, Вашингтон построил сеть трёхсторонних квазиальянсов, участником каждого из которых был Токио. Однако, для поддержания их стабильности американским политикам нужна была враждебная сила. Поначалу в качестве такой рассматривалась КНДР ввиду выхода из ДНЯО. Однако после выхода доклада Дж. Ная в 1994 г. эту нишу стал занимать Китай, а мишенью для критики стала проблема прав человека. Более того, об укреплении политических позиций США в СВА свидетельствовал и запуск шестисторонних переговоров, что стало второй после СЕАТО попыткой наладить многостороннее сотрудничество в сфере безопасности в Восточной Азии.

Наконец, на положение в регионе влияли американо-китайские отношения, характеризовавшиеся противоречием, которое проистекало из разных политических и международно-правовых культур. При Дж. Буше был отработан алгоритм действий, если внутриполитические шаги КНР не отвечают американским стандартам: экономические санкции, улучшение военно-политических отношений с Тайванем, смягчение или снятие санкций. Близкой

схеме придерживался и У. Клинтон: был сделан выбор в пользу Китая на роль региональной угрозы, потом был организован визит президента Тайваня в США, а после под давлением бизнеса политические вопросы были отодвинуты на второй план в пользу экономического взаимодействия. При Дж. Буше-мл. основное внимание уделялось Ближнему Востоку, как следствие политическая реакция на экономический рост КНР последовала лишь в 2006 г. в виде двустороннего диалога, который впоследствии развил Б. Обама.

Таким образом, СВА к концу 2000-х гг. представлялась для внешней политики Соединённых Штатов чужим полем. Во-первых, с последней трети XX в. сильнее стали влиять на региональные процессы начала, проистекавшие из традиций восточноазиатских систем международных отношений. Во-вторых, страны СВА, опираясь на эти традиции, реализовывали свои инициативы по созданию региональных пространств, выходивших за пределы СВА и Восточной Азии. В то же время США к этому времени отработали модели поведения в регионе: географическое расширение американского присутствия в контексте противостояния другой державе, внедрение образов «угроз» для укрепления военно-политических союзов, при этом доминировал двусторонний формат взаимодействия при акценте на политических проблемах, был отработан алгоритм политики в отношении КНР.

Вследствие внутренней и внешней динамики политика Б. Обамы в отношении СВА характеризовалась двумя парами противоречий. Первая пара касалась выноса производств и реиндустриализации. Вторая пара относилась к противостоянию неолибиеральных идей наследию холодной войны во внешней политике.

В главе 3 «Структура социальных взаимодействий власти и политика США в отношении стран СВА» изучена неформальная сторона принятия решений. Её роль возросла вследствие введённого Б. Обамой ограничения на контакты лоббистов и рядовых клерков, а также назначения Х. Клинтон на пост госсекретаря.

Параграф 3.1 «Структура социального взаимодействия внутри исполнительной власти и политика США в отношении СВА» начинается с констатации, что ввиду внутрипартийного положения демократическое

правительство было обречено носить компромиссный характер. Это определило высокую роль назначенцев, стремившихся реализовать на практике собственное видение или инициативу. Б. Обама, сам попадавший под это определение, использовал опыт предвыборной кампании при организации первого для США раунда переговоров о ТТП для укрепления связей с группами интересов. Х. Клинтон постоянно предлагала свои интерпретации внешнеполитических методов и инструментов. Однако, проблема назначенцев затрагивала не только высшее звено власти: из-за чрезмерного акцента на Ближнем Востоке в предшествовавшие годы в министерствах существенно сократилось число профессионалов, погружённых в проблемы Восточной Азии. Как следствие, сотрудники ведомств попадали под влияние различных, подчас противоречивших школ внешнеполитической мысли.

В целом, в команду Б. Обамы, не имевшего достаточных связей в Вашингтоне, вошли профессионалы, лояльные новому президенту представители истэблишмента и лица, имевшие с ним прочные деловые связи, а также те, кто имел личные связи с президентом. Из неформальных групп выделялись министры, имевшие прямой доступ к президенту, аналитики, разрабатывавшие большое число проектов, из числа которых президент отбирал наиболее приемлемые, но несложные решения, и публичные лица, ответственные коммуникацию.

По общим взглядам на принципы региональной политики выделялись приверженцы предложенного Дж. Шульцем принципа всеобщего выигрыша и те, кто стремился применить в отношении Китая принцип нулевой суммы.

Всё это не позволило сделать правительство и президентскую администрацию едиными. Более того из-за внутрипартийного раскола Б. Обаме пришлось пойти на примирение с четой Клинтонов путём уступок и включить в состав команды связанных с ними лиц. Последнее несло риск конфликтности.

Она в значительной степени повлияла на курс в отношении стран СВА и Тихого океана. Учитывая, что советник Дж. Бадер является профессиональным китаеведом, Х. Клинтон предприняла первую поездку в Китай для налаживания сети контактов вскоре после своего утверждения. Дж. Бадер был первым, кто предложил концепцию восточноазиатской политики, введя термин «перебалансирование». Ответом стала концепция «кардинального поворота» Х.

Клинтон, которая тем не менее, устойчивостью трактовки не обладала. Однако, после её ухода с поста госсекретаря официальные лица США в публичных выступлениях стали вкладывать разный смысл в политику перебалансирования. Это указывает, что концепции не только выполняли мировоззренческую функцию, но и создавали устойчивые для языка политиков лексемы. В то же время концептуальная конкуренция делала политику в отношении СВА более стабильной, а уход Х. Клинтон и сохранение единой концепции перебалансирования придали региональному курсу больше черт конъюнктурности.

Ещё одна линия раскола связана с позицией министерства обороны, стремившегося сохранить прежнее влияние на волне сокращения военных ассигнований. Более того, Р. Гейтс поднял вопрос об усилении сдерживания КНР, что в Госдепартаменте и президентской администрации считалось неприемлемым. Как следствие пост министра обороны занял близкий к Клинтонам Л. Панетта. Однако, он продолжил линию предшественника, что грозило усугубить раскол. Как следствие, Л. Панетта был вынужден в публичном пространстве использовать термин «перебалансирование». Таким образом, он продемонстрировал лояльность президенту; презентовав региональную концепцию, показал кооперационный настрой Госдепартаменту; при этом скрыл от наблюдателей приоритет по сдерживанию КНР.

В целом в 2012–2013 межведомственная борьба была преодолена, но она породила ряд неформальных практик, характеризовавших исполнительную власть: взаимный неформальный контроль во время зарубежных визитов, заимствование лексики иного ведомства, соотносимое замещение при занятии вакансий, внешний неформальный контроль со стороны Х. Клинтон через её сторонников после ухода из внешнеполитического ведомства.

Взаимодействуя с группами интересов, президентская администрация была вынуждена учитывать электоральную поддержку, проводить курс с учётом интересов обширных групп, или формировать малые группы в ходе переговоров. Таким образом, ключевыми были внутриэкономические и партийные мотивы.

Госдепартамент сначала сформировал ядро своих контактов в лице «зелёных» групп, а затем пошёл по пути их расширения и институционализации. С

учётом положения Х. Клинтон эта тактика была ориентирован на партийные интересы.

Министерство обороны же делало ставку на длительную игру с целью внедрить антикитайские взгляды в ряды исполнительной власти и построить разветвлённую сеть связей.

Параграф 3.2. «Отношения законодательной и исполнительной власти и политика США в отношении СВА».

В период действия 111-го Конгресса (2009–2010) формировались ключевые сферы для отношений законодательной власти с правительством Б. Обамы: противостояние сторонников выноса производств и реиндутриализации, сторонников принципа всеобщего выигрыша и приверженцев мышления периода холодной войны, которое теперь было обращено к Корейскому полуострову, начало формирования антикитайского консенсуса. Основой ему послужили опасения в отношении экономического роста КНР, проблема прав человека, модернизация НОАК, страх перед тем, что рост китайской мощи угрожает цивилизационным основаниям США.

Работа 112-го Конгресса (2011–2012) характеризовалась превращением определённой проблемы в арену активного противостояния правящей и оппозиционной партий. В случае СВА ей стала ратификация ССТ с Республикой Корея. При этом оппонирование здесь было, скорее, проблемное, которым впоследствии оппозиция смогла воспользоваться в своих интересах. Тем более, что чётко высветились экономические группы сторонников и противников соглашения.

Также усилилось противостояние на китайском направлении, т.к. конгрессмены критиковали Китай за ситуацию с правами человека, чем грозили перехватить у демократического правительства его традиционную повестку, вследствие чего последнее было вынуждено сделать серию заявлений.

В периоды 113-го и 114-го Конгрессов (2013–2016) ситуация существенно изменилась. Законодатели, отказавшись от реактивной позиции в пользу активной, по инициативе обеих фракций организовали серию слушаний, посвящённых тихоокеанскому курсу Б. Обамы. Центральной проблемой в его контекстах стала политика в отношении КНР в двух сферах: защита прав человека и военно-политическое сдерживание. Законодатели считали необходимым пересмотреть

курс в первой сфере и усилить вложения в ВПК. В дальнейшем Китай был обозначен экологической, экономической и технологической «угрозой». При этом попытки Б. Обамы наладить взаимодействие с Конгрессом в конце 2013 – начале 2014 гг. привели к обратному результату, законодатели окончательно перехватили инициативу в отношениях двух ветвей власти.

После выборов 2014 г. Республиканская партия контролировала обе палаты Конгресса, как следствие, критика президента приобрела партийный характер. Она касалась неэффективности сдерживания роста Китая, курса в отношении ТТП, военно-морской безопасности, а в 2016 г. слушания, хронологически наложившиеся на президентскую предвыборную кампанию, и вовсе по форме напоминали отчёт исполнительной власти за неудачную внешнюю политику перед законодательной.

В целом, политика США в отношении СВА в 2009–2016 гг. оказалась под влиянием борьбы внутри исполнительной и законодательной властей, между ветвями власти развернулась словесная борьба за превращение конкретного приоритета в свой. Это благоприятствовало построению широкой сети контактов между группами интересов и Конгрессом, правительством, президентской администрацией.

Глава 4 «Нарративное и цивилизационное измерения политики США в отношении СВА»

В параграфе 4.1 «Стратегия безопасности США: политические контуры восприятия СВА» выявлено, что в стратегии национальной безопасности 2010 г. зафиксировано видение мира, развивающегося по универсальной либеральной траектории. При этом регион СВА характеризовался как состоящий из союзников (Японии и РК), перспективного партнёра (КНР) и однозначного противника (КНДР). Приоритетной функциональной сферой называлась экономическая. В то же время из-за неопределённости географических границ, политически мотивированного восприятия, отсутствия чёткого понимания, как развивать экономические отношения, игнорирования исторического контекста и стремления внедрить в СВА американские политические принципы региональная стратегия представлялась рассогласованной.

В военной и разведывательной стратегиях СВА чётко обозначалась как субрегион Восточной Азии и характеризовалась ключевым средоточием угроз для безопасности США, которые исходили от Китая и КНДР, хотя образ «китайской угрозы» ещё находился на стадии формирования. Это указывало, что традиционное для США мышление периода холодной войны было замаскировано за формальным признанием значимости экономики.

В 2014 – 2015 гг. были приняты новые стратегии. В национальной стратегии было продекларировано конструирование политически мотивированного региона, который впоследствии был назван ИТР. В ней же чётко выделен регион СВА, как источник угроз ввиду нахождения здесь Китая и КНДР. Военная и разведывательная интерпретации региона, в целом, сохранились с той разницей, что теперь Китай рассматривался не только как источник угроз, но и как государство, способное в будущем принять американские правила игры.

В целом, анализ стратегий как нарратива о состоянии мира, региона СВА и места в них Соединённых Штатов, свидетельствует о внешней непоследовательности, слабой согласованности, большой роли предубеждений. В то же время ряд аспектов курса не вписывались в представленную интерпретацию.

Чтобы выявить скрытые приоритеты и преодолеть это противоречие был использован ЯНК. На основе результатов глобального моделирования были сформированы коды, соответствующие функциональным подсистемам и их компонентам. Перевод на него текстов стратегий и группировка данных по критериям факта и частоты упоминания подсистем и их компонентов позволили выявить, что идеалистическая по своей природе военная подсистема на протяжении всего срока Б. Обамы была более приоритетная, чем экономическая, а в 2015 г. её значение существенно усилилось, экономика занимала второстепенное положение, началась политизация кибернетического пространства, а экологическому вектору отводилось ограниченное, подчинённое положение, связанное с развитием энергетики. Кроме того, включение правовых и гражданских проблем в стратегии свидетельствовало о росте влияния в правительстве политических либералов на фоне укрепления позиций военных и снижении влияние сторонников экономического либерализма. Как следствие к 2016 г. исполнительная власть оказалась вынужденной балансировать между интересами

разных групп общества. Наконец наложение анализа интерпретаций и ЯНК-моделей стратегий высветило, что противоречия компенсировались идеалистической основой мышления. Это в свою очередь указывало на наличие более глубинного фундамента американского курса в отношении СВА.

В параграфе 4.2 «Внешнеполитический нарратив исполнительной власти: положение в СВА в системе американских цивилизационных координат» отмечается, что рамками для политики Б. Обамы стала игровая внешнеполитическая культура, которая нацеливала президента не допустить подъёма соперника на евразийском пространстве, прежде всего, Китая. Соответственно формирование конкретных культурно-цивилизационных основ регионального курса не было однородным: для политики в отношении союзников таковые формировались отдельно от основ курса в отношении КНР.

В отношении союзников этот процесс начался с поисков подходящих образов для конструирования «угрозы» с целью укрепить военно-политический союз и утверждения, что американский либерально-капиталистический индивидуализм объединил страны благодаря рыночной экономике, продвинувшей фронтир свободной торговли в западную часть Тихого океана. В случае с РК этим же целям служило бинарное противопоставление, тем более что этому способствовала непосредственная близость КНДР, претендовавшая после распада СССР и социалистической системы на образ регионального «зла» в американском мышлении. Более того, территория этого государства трактовалась как пространство, куда США предстоит прийти с «цивилизаторской» миссией.

В 2013 г. госсекретарь Дж. Керри выступил с речью о Тихоокеанской мечте. Под ней понималось построение пространства, в пределах которого страны между собой, а также общества внутри стран, взаимодействуют на основе американских норм, а мерилом их соблюдения служат правила. Странам за пределами этого пространства отводилась роль другого. На основе их образов США планировали укреплять военно-политические союзы, как экономическое пространство на основе рыночных свобод и культурное за счёт распространения американских ценностей. Здесь правительство Б. Обамы стремилось сформировать неформальную тихоокеанскую империю, имевшей в своей основе английский архетип, а также

осуществить на практике неформальные принципы лояльности лидеру, имеющие религиозные корни.

Расширение географического вектора подобных (в т.ч. совместных с союзниками) усилий потребовало найти нового другого, которым стал Китай. Кроме того, США делегировали союзным Японии и Республике Корея отдельные цивилизаторские функции.

На китайском направлении к культурно-цивилизационным основам правительство Б. Обамы обращалось раньше, чаще и глубже, чем в случае с союзниками. Уже в 2009 г., выступая перед студентами в Шанхае, президент, опираясь на образы прошлого, указывал, что американский фронтир подошёл к берегам Китая, который воспринимался пространством для распространения американских норм, ценностей, опыта. Павильон на Всемирной выставке в Шанхае раскрывал образ Америки через равенство возможностей, образ града на холме и богоизбранность. Этим в Вашингтоне рассчитывали убедить Китай, что США являются единственным и исключительным лидером мира, как в политической, так и в экономической областях, при этом обладают силой примера, который привлекателен для других стран. Они же в свою очередь нуждаются в патернализме со стороны Соединённых Штатов. Американская опека виделась необходимым условием, которое обеспечивает процветание, на что указывал опыт Тайваня, как иного Китая. Однако, на практике официальные лица США давали КНР противоречащие оценки, то включая его американское пространство, то подчеркивая её оппонирующую роль.

В 2012 г. правительство Б. Обамы определилось с универсальным критерием враждебного другого – присутствие государственных корпораций, подавлявших свободную конкуренцию. Оно считало себя должным научить Китай вести экономические дела, распространяя на него доктрину Монро. На ещё один критерий указывала критика китайской политики по управлению интернетом с помощью цитаты Т. Джеффесона, что «воля народа является единственным легитимным основанием любого правительства, и защищать её свободное выражение должно быть нашей первой заботой». Вследствие этого в 2014 г. США поставили КНР перед выбором или войти в неформальную тихоокеанскую американскую империю, или превратиться во враждебного другого подобно КНДР.

В дальнейшем Китай стал восприниматься как «другой Я», альтернативный Америке, как прежде после Октябрьской революции была воспринята Советская Россия. Однако к концу своего срока, осознав ошибку, Б. Обама, наоборот, стал трактовать отношения с КНР как успех в продвижении экономического фронтира.

В результате этой политики стала формироваться бинарная система региональных отношений в СВА, в центр которой был поставлен образ «враждебного» Китая, которому противостоял рыночный и демократический мир во главе с США.

В целом же, ранние попытки осуществить идеалистические либеральные устремления потерпели неудачу, в связи с чем к 2015 г. Б. Обама стал ориентироваться на системное, многомерное противостояние американского добра и неамериканского, с наибольшей вероятностью китайского зла в АТР и ИТР.

В главе 5. «Практическая реализация курса США в отношении стран СВА в 2009–2016 гг.», в целом, охарактеризована как попытка наверстать упущенные интеграционные возможности, акцент на военно-политические аспекты взаимодействия, доминирование странового измерения, ситуативные политически мотивированные попытки расширить границы региона. В то же время сам регион понимался в США как совокупность союзников, КНДР и Китая.

В параграфе 5.1 «Политика в отношении союзников: региональный контекст и страновое измерение» указывается, что экономическая политика в отношении Японии и Южной Кореи предполагала рост госзаказа, переосмысление торгового дефицита, косвенную поддержку инновационных преимуществ, либерализацию внешнеторговых связей. В отношении Японии ключевым форматом для реализации экономического курса, стало ТТП, с помощью которого правительство США стремилось создать сбытовые и кооперационные связи для разных отраслей и предприятий в разных штатах, при этом ставя США в центр формирующейся сети контактов и отводя Японии роль якорного партнёра. Несмотря на декларировавшуюся цель ТТП как максимальной либерализации, его проекту не удалось изжить регуляторные ограничения, которые наиболее рельефно демонстрировал переходный период для Японии: она получала право регулировать импорт по отдельным отраслевым рынкам с помощью квот, тарифов, указания допустимых объёмов.

Другим примером либерального экономического курса стало ССТ с РК. Оно регулировало производственные стандарты, тарифы, введение ограничительных мер в пользу американских производителей, упрощало доступ южнокорейских инвесторов в хозяйство США. Ключевые цели ССТ были обеспечение роста производств, занятости и модернизации отстающих отраслей. В целом, курс в отношении РК оказался более эффективным, чем в отношении Японии.

Госзаказ как инструмент внешнеэкономического курса полностью совпадал с оборонным заказом. Он касался поставок самолётов и другой передовой техники в Японию, а также сотрудничества с целью модернизации ракет, спутников, кибернетических инструментов. В случае с РК военно-техническое сотрудничество не имело экономической подоплёки и объёмы поставок были стабильны.

В то же время правительство Б. Обамы не предпринимало значимых усилий, чтобы бороться с дефицитом в торговле с Японией, что указывало на переосмысление этого фактора, принятия его как маркера хозяйственных ролей двух стран друг для друга. В то же время восприятие РК, в первую очередь, сбытовым партнёром свидетельствовало, что её экономика продолжает восприниматься конкурентом.

Таким образом, в экономической сфере правительство Б. Обамы провело разделительную линию в СВА между Японией, включённой в американское экономическое пространство на Тихом океане, и Республикой Корея, остававшуюся конкурентом Соединённых Штатов.

В военно-политической сфере американский курс предполагал модернизацию альянсов и поиск региональных угроз для их сплочения.

Модернизация американо-японского альянса в 2009–2011 гг. предполагала поиск способов военного взаимодействия в космосе и киберпространстве, противодействие угрозам, исходящим от КНДР, рассмотрение арктических морей как пространства для географического расширения сферы союза. К 2012 г. это позволило разделить сферы сотрудничества на традиционные и перспективные, запустить функциональные диалоги на министерском уровне и заключить соглашения о поведении в киберпространстве и об обмене информацией. В то же время такой механизм представлялся громоздким, и США указывали на необходимость создать Японии аналог Совета национальной безопасности, что

впоследствии произошло в 2022 г. и совпало с отказом Японии от автономного планирования курса на тихоокеанском пространстве. Параллельно за счёт распространения сферы альянса на Юго-Восточную Азию происходила секьюритизация ряда морских проблем.

В отношении РК японский опыт был масштабирован с 2012 г. и предполагал не только секьюритизацию кибернетических и информационных проблем, но и технологий, науки, образования. Это позволило превратить кибернетический аспект политики и отношений в ключевой, обладающий сложной структурой. В результате к 2014 г. альянсы США с Японией и Республикой Корея были скреплены за счёт частично совпавшей повестки. В дальнейшем опыт подобных «треугольников» Вашингтон масштабировал на весь Тихоокеанский регион.

Однако, укрепление альянсов с расширением географической зоны их ответственности не могло не сопровождаться поиском подходящего образа «угрозы». Поначалу на него претендовала КНДР, позволяя налаживать эффективное сотрудничество с союзниками в СВА. В то же время с выходом за пределы субрегиона эффективность этого образа снижалась. Это вынудило США к 2014 г. сформировать образ китайской «угрозы», опираясь, прежде всего, на проблемы разграничения морских пространств в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Как следствие, СВА теперь превращалась в региональную периферию американского военно-политического курса.

Главным же результатом политики Б. Обамы здесь следует считать, что союзные страны были объединены не на экономическом, а на более приемлемом для США военно-политическом фундаменте.

В параграфе 5.2. «Курс на северокорейском направлении» изучен как политика в отношении самой КНДР, так и в более широком региональном контексте, причём, именно, последний аспект для правительства Б. Обамы был более приоритетным. Неудачная попытка переписки с Ким Чен Иром и прекращение шестисторонних переговоров как действительной многосторонней площадки после северокорейских испытаний в апреле 2009 г. превратили «шестисторонние переговоры» в региональную, мыслительную, американоцентричную конструкцию, состоявшую из двух треугольников: первый включал США и их союзников (Японию и РК), второй – постоянных членов СБ

ООН (США, КНР, Россию). Потопление корвета «Чхонан» весной 2010 г. стало удобным поводом для практического внедрения этой архитектуры, чья стабильность поддерживалась за счёт повторявшихся двусторонних встреч спецпредставителей и повестки их переговоров. Изредка по гуманитарным соображениям архитектура дополнялась третьим треугольником в составе США, КНР и КНДР.

С 2011 г. правительство Б. Обамы попыталось укрепить эту непрочную конструкцию за счёт включения северокорейской проблематики в повестку встреч с другими странами. Её уязвимость была связана с ростом значения китайской «угрозы», смертью Ким Чен Ира, началом политики *пхёнчжин,* которая вызвала в США резкую критику. Тогда же в лексикон входит выражение «денуклеаризация КНДР». С этого момента «шестисторонние переговоры» становятся ширмой, скрывающей новую политику, предполагавшей приоритетное взаимодействие с РК и КНР, санкционное давление, сотрудничество с неправительственными организациями.

Ориентируясь на опыт политики Р. Рейгана в отношении Восточной Европы, концепции Дж. Ная и собственный успешный опыт в отношении Мьянмы, Б. Обама начал курс либерализации в отношении КНДР. Для этого правительство сформировало коалицию союзников, куда вошли Япония, РК, Австралия и Евросоюз и сделало ставку на поставку в Северную Корею средств, которые, как считалось, могли обеспечить свободный информационный поток, но не учло отсутствие необходимых условий.

В целом, политика на северокорейском направлении оценивается противоречивой, поскольку, стремясь создать новую региональную архитектуру, Б. Обама не преодолел исторически сложившихся региональных ограничений, стремясь сделать архитектуру эксклюзивной в отношении КНДР, эпизодически включал в неё Северную Корею, перенося прошлые клише, не учитывал настоящей действительности. В то же время «шестисторонние переговоры» вплоть до февраля 2022 г. позволяли удерживать коалицию пяти стран (за исключением КНДР), а попытка построить широкую коалицию с привлечением внерегиональных союзников была впоследствии повторена Дж. Байденом в рамках индо-тихоокеанской политики.

В параграфе 5.3. «Политика в отношении КНР» указано на то, что с самого начала она была противоречивой, т.к. к 2009 г. двусторонний диалог концентрировал внимание на политических проблемах, а экономический кризис требовал акцента на хозяйственных вопросах, Китай оказался на перепутье политических дискуссий в США, на 2009–2016 гг. пришлась борьба между прежними либеральными началами и усилившейся реиндустриализацией, архитектуру СВА Б. Обама строил на политических, а не экономических началах.

В 2009 г. был запущен СЭД, который был открыт для предложений, касавшихся повестки и архитектуры. США стремились использовать его, чтобы предложить КНР реформировать финансовый сектор, отказаться от ориентированной на экспорт экономики, отказаться от протекционизма, решать климатическую проблему, начать обсуждение проблемы прав человека. В 2010 г. диалог дополнился обсуждением военных и гуманитарных проблем. В 2011 г. был введён субнациональный уровень СЭД, который был представлен штатами и провинциями, городами, корпорациями, университетами и охватывал широкую экономическую, экологическую, научную, образовательную повестку.

Несмотря на интенсивную практику, концептуально политика в отношении КНР была оформлена лишь в марте 2012 г. Согласно взглядам, региональное пространство останется безопасным для США, если Китай будет подниматься как американский партнёр. Для этого ему необходимо было принять все элементы порядка, основанного на правилах, которые выработаны в США в сферах экономики, политики, финансов, прав человека, управления интернетом.

Ключевым направлением политики было экономическое. В 2009–2012 гг. правительство Б. Обамы предприняло попытку решить хозяйственные проблемы, которые игнорировал предшественник. Оно призывало Китай принять либеральные правила игры, но при этом стремилось решить проблему торгового дефицита, забывая, что до половины китайского экспорта в США формировалось не национальной промышленностью КНР, а ТНК, в т.ч. американскими. Другим инструментом здесь стало внедрение «зелёной» повестки и вывод на рынок соответствующей продукции. Однако, относительные объёмы торговли двух стран остались прежними. В связи с этим США вновь призвали к устранению торгового дисбаланса, а его причиной назвали организацию хозяйства в КНР, отличную от

американской. Как следствие, акцент в отношениях двух стран был смещён с проблем, сближавших страны, в пользу дисбалансов, отдалявших их друг от друга. Параллельно к 2015 г. объёмы китайского экспорта увеличились не только в абсолютных числах, но и относительно объёмов поставок из США в КНР. Не имело эффекта и косвенное воздействие на Китай через позиционирование Монголии как образец либеральной трансформации. В то же время Б. Обама добился двух тактических успехов: удалось обеспечить загрузку производств «зелёных» товаров и замедлить темпы рост китайского экспорта.

Второе по значимости, экологическое, направление тесно переплеталось с экономическим, т.к. касалось «зелёных» товаров.

Третье направление касалось прав человека. Здесь правительство Б. Обамы следовало прежним традициям организованных информационных кампаний и серийных выступлений, посвящённых определённым датам или конкретным диссидентам, считая, что страна, принявшие экономические правила либерализма, должна следовать им и в политической сфере.

Четвёртое, политическое направление усилилось в 2011–2013 гг. Из широчайшего спектра проблем США сделали ставку на запуск кибернетического диалога, и обсуждение совокупности военных, морских и правовых вопросов, рассчитывая, что по их итогам Китай примет приемлемые для Соединённых Штатов правила игры в этих сферах. В 2013–2014 гг. это способствовало росту напряжённости в двусторонних отношениях, но она же позволила Вашингтону эффективнее сплотить своих союзников на основе образа китайской «угрозы». Предпринятая же в 2016 г. попытка широкой секьюритизации отношений с КНР указывала, что они попали под влияние внутриполитической американской конъюнктуры.

Таким образом, политика в отношении Китая прошла два этапа: с 2009 г до середины 2012 г. доминировали экономические вопросы, где стороны имели общий интерес, а с середины 2012 г. по 2016 г. главными стали политические вопросы, вызывавшие разногласия. Её характеризовал комплекс противоречий между тактическими и стратегическими целями, либеральными и нелиберальными началами, стремления внедрить привычные для США правила, принимая в отдельных случаях привычные для Китая нормы взаимодействия.

В целом, практическая реализация курса в отношении СВА при Б. Обаме обладала рядом противоречий. Во-первых, президент стремился совместить разработки предшественников с собственными новациями. Во-вторых, в экономической сфере США воспринимали Японию как партнёра, Китай считали и партнёром, и конкурентом в зависимости от контекста, а РК рассматривалась исключительно конкурентом. В-третьих, рельефным стало противоречие между экономическим и военно-политическим началами. В-четвёртых, США стремились следовать европейкой международной и англо-саксонской внешнеполитической культуре, а на деле в отношениях со странами СВА обращались к нормам конфуцианской культуры.

В заключении сформулированы основные выводы.

1. Эволюция американского общества свидетельствовала, что в экономической сфере, несмотря на кризис 2008 г., продолжали доминировать либеральные тенденции, а также кейнсианское понимание дефицита. В то же время укреплялась реиндустриализация. Попытка правительства создать контролируемый государством сектор наиболее передовой промышленности была заблокирована оппозицией и, кроме ВПК, его развитие пошло по независимой траектории. В политической сфере господствовали идеи поддержки меньшинств. Как следствие, демократическое правительство, опираясь на прежние, привычные идеи и столкнувшись с организованной оппозицией, не вышло за пределы либеральной парадигмы развития.

2. Хотя с конца 1980-х гг. экономическая составляющая в тихоокеанской политике США доминировала, их прочная вовлечённость в СВА обеспечивалась за счёт военно-политических союзов. Соответственно курс в отношении региона попадал под противоречие между необходимостью хозяйственного вектора и прочностью военно-политической вовлечённости.

3. Временно это противоречие сдерживалось борьбой между ведомствами исполнительной власти, заставляя правительство делать акцент на экономике. Однако, происшедшая в 2013 г. консолидация обеспечила приоритетность военно-политических проблем.

4. Пока борьба между исполнительной и законодательной властями носила точечный характер, доминировали дискуссии и решения в сфере экономического

взаимодействия со странами СВА. Однако усиление разделительных линий между ветвями власти и партиями также привели к безраздельному доминированию военных и политических проблем.

5. Противоречия прослеживаются и на уровне планирования: поначалу администрация исходила из универсальности либеральных общественных и экономических идей, но постепенно сделало акцент на военных и политических аспектах стратегии.

6. Обращение правительства Б. Обамы к культурно-цивилизационным факторам как к фундаменту региональной политики, позволило укрепить альянсы времён «холодной войны», возродить логику мышления и мировосприятия того периода.

7. На практике экономическое направление не было единым: в отношении каждой из стран СВА курс реализовывался в разных рамках: в отношении Японии – Соглашение о ТТП, в отношении РК – двустороннее ССТ, в отношении КНР – СЭД.

8. Военно-политическое же направление характеризовалось единством: начались унификация альянсов за счёт частично совпадавшей повестки, строительство сетевой американоцентричной архитектуры, создание политически мотивированных коалиций с привлечением внерегиональных стран, позиционирование Китая как угрозы, возродилось конструирование политически мотивированных регионов.

9. Таким образом, с учётом длительного исторического контекста политика Б. Обамы в отношении СВА свидетельствует о переломе, о возвращении США к военно-политическим рамках, нормальным со времён холодной войны, и отказом от либеральных экономических начал, ставших отклонением от привычной для США нормы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Индивидуальная монография

1. Болдырев В.Е. Обеспечение безопасности США: Трансформация интерпретаций и межведомственных взаимодействия в 2009–2020 гг. / В.Е. Болдырев. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. – 221 с.

Разделы в коллективных монографиях

2. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / Под ред. В.Л. Ларина. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – 386 с.
3. Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россия между двумя глобальными кризисами / Под ред. В.Л. Ларина. – Владивосток: ИП Шульга В.Б., 2022. – 456 с.

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

4. Болдырев В.Е. Интеграция Тихоокеанской России в АТР: взгляды правительства и бизнеса США // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С. 200 – 206.
5. Болдырев В. Е. Внешнеполитический процесс США: перспективы многофакторного анализа // Россия и АТР. – 2015 – № 1. – С. 14 – 24.
6. Болдырев В. Е. Место Тихоокеанской России во внешнеполитическом процессе Соединённых Штатов Америки // Россия и АТР. – 2015. – № 3. – С. 143 – 153.
7. Болдырев В. Е. Арктическая политика США и группы интересов // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – №7. – С. 26 – 36.
8. Болдырев В.Е. Многофакторный анализ внешнеполитического процесса: теоретический аспект проблемы // Россия и АТР. – 2016. – № 1. – С. 57 – 68.
9. Болдырев В.Е. Транстихоокеанское партнёрство: новый фактор лидерства США в АТР и Тихоокеанская Россия // Россия и АТР. – 2016. – № 2. – С. 72 – 88.
10. Болдырев В.Е., Мишин В.Ю. Политика США по либерализации левых режимов. Исторический опыт и перспективы курса в отношении КНДР // Россия и АТР. – 2017. – № 1. – С. 106 – 120.

11. Болдырев В.Е., Ларин В.Л., Мишин В.Ю., Сценируемый круглый стол – новая методика прогнозирования внешней политики и международных отношений: результаты апробации // Сравнительная политика. – 2018. – Т.9. – №4. – С. 24–40.
12. Болдырев В.Е. Принятие решений и адаптация органов исполнительной власти. Пример тихоокеанской политики Б. Обамы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. 2021. – Т. 26. – №4. – С. 222–235.
13. Болдырев В.Е. Индо-Пацифика во внешнеполитическом планировании США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2023. – Т.53. – №3, С. 47–62;
14. Болдырев В.Е. Трансформация тихоокеанских регионов во второй половине XX – начале XXI века // США и Канада: экономика, политика, культура. 2024. Т. 54. №4. С. 104–122.
15. Болдырев В.Е. Деколонизация науки и знания о международных отношениях: постановка проблемы // Россия и АТР 2024. №2. С. 83–108.
16. Болдырев В.Е. Курс США по построению Тихоокеанского региона. Место и роль Китая // Россия и АТР. –2024. –№4. –С. 5–29.
17. Болдырев В.Е. Политика США по построению сетевого региона в тихоокеанском пространстве //США и Канада: экономика, политика, культура. – 2025. – №3. – С. 72–85.
18. Болдырев В.Е. Культурно-цивилизационное измерение политики Б. Обамы в отношении Северо-Восточной Азии: пролог к современной региональной архитектуре // Россия и АТР. – 2025. – №2. – С. 101–125.
19. Болдырев В.Е. США: динамика развития сквозь призму общественных исследований // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. – 2025. Т.49. – С. 7–28.

Статьи в научных сборниках и материалах конференций

20. Болдырев В.Е. Политика США в отношении КНДР после смерти Ким Чен Ира. Риски и угрозы для России // Тихоокеанская Россия в системе

международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы / Под ред. В.Л. Ларина, В.В. Кожевникова. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 324 с. С. 226–234.

21. Болдырев В.Е. Экономическая политика США на Тихом океане // Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы / Под ред. В.Л. Ларина, В.В. Кожевникова. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. 324 с. С. 69–79.
22. Болдырев В.Е. Культурно-цивилизационные основы внешней политики США: исторический аспект // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Том XVI. Культура России и сопредельных стран. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 208 с. С. 163 – 175.
23. Болдырев В.Е. Исследование внешнеполитического процесса США. Состояние и перспективы // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: Материалы III научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных Школы гуманитарных наук ДВФУ. Владивосток: ДВФУ, 2014. – 232 с. С. 55 – 59;
24. Болдырев В.Е. США и Транстихоокеанское партнёрство: группы интересов и региональная политика // Американистика на Дальнем Востоке: Ежегодный бюллетень. Вып. 2. / Отв. ред. А.А. Киреев, Н.В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. – 62 с. С. 4 – 7.
25. Болдырев В.Е. Ресурсы и ограничители экономической интеграцией Тихоокеанской России и США // У карты Тихого океана. № 41. (239). С. 25 – 29;
26. Болдырев В.Е. Политика США в отношении КНДР: новые тенденции и перспективы // У карты Тихого океана. – № 46 (244). – С. 24 – 29.
27. Болдырев В.Е. Транстихоокеанское партнёрство и формирование новой архитектуры торгово-экономических отношений в АТР // Азиатско-Тихоокеанский регион: конкуренция культур, государств, идей. XV Всероссийская научная конференция молодых учёных (Владивосток, 25 –

26 апреля 2016): материалы конференции / Отв. ред. И.В. Ставров. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – 60 с. С. 15 – 17.

28. Болдырев В.Е. Транстихоокеанское партнёрство в стратегиях США и России в АТР // Мировое развитие. Выпуск 17. / Отв. Ред. К.Р. Вода. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 195 с. С. 67 – 79.
29. Болдырев В.Е. Историческая наука и перспектива прикладных исследований АТР // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию высшего исторического образования на Дальнем Востоке России. (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.) / Отв. Ред.: Ф.Е. Ажимов, М.А. Тулиглович. – Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018. – 476 с. С. 195 – 199.
30. Болдырев В.Е. Проблемы гуманитарных корреляций в новейшей социально-политической истории США // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сборник материалов Всероссийской молодёжной научной школы-конференции с международным участием/ Под ред. М.А. Гордеевой, Т.И. Морозовой. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. – 432 с. С. 405–414.
31. Болдырев В.Е. Политика США как фактор поведения КНДР: цивилизационный аспект // Диалог культур Тихоокеанской России и сопредельных стран: межэтнические, межгрупповые, межличностные коммуникации: сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – 458 с. С. 310–315.